День непослушания

Автор:
Евгений Щепетнов

День непослушания

Евгений Владимирович Щепетнов

День непослушания #1Новый фантастический боевик (Эксмо)

В результате вирусной инфекции, занесенной метеоритами, погибла большая часть землян. Выжили только подростки, иммунная система которых быстро приспособилась к окружающей действительности. Теперь им предстоит создать новую цивилизацию… Однако они еще дети и хотят объедаться конфетами, курить, смотреть крутое порно – запретный плод сладок. Среди них половина – разрушители, желающие возродить рабовладельческий строй и властвовать, беспредельно себя возвеличивая. Однако есть и другая половина – это созидатели, в которых родители успели заложить стремление к справедливости. Им-то и предстоит удерживать пошатнувшийся мир на своих крепнущих с каждым днем плечах.

Евгений Владимирович Щепетнов

День непослушания

© Щепетнов Е.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

7 июня, вечер. Андрей Комаров

– Ну, давай, пока! Осенью увидимся! Отдыхай! – Тренер протянул мне руку, и я осторожно ее пожал.

Он был седым, небольшого роста, морщинистым, совсем не видным человеком. Возраст, что поделать! Но рука крепкая, цепкая, будто из железа. Рассказывали: как-то не так давно он стоял на остановке, и докопались до него три гопника. Ну, как это обычно бывает, типа: «Дед, дай закурить! Нету?! Не куришь?! А если поищем?!» – и всё в таком духе. Сейчас активизировались эти, как их… обсосы чертовы… АУЕ. «Арестантский Уклад Един». И откуда повылезала такая мразь? Мне про девяностые рассказывали – вот такая же примерно хрень была. Вроде как. Я-то само собой не видел. Я гора-а-аздо позже родился, так что никак при всем желании не мог увидеть эти самые «лихие девяностые».

Хотя и желания у меня такого никакого не было, если честно. На кой мне вся эта уголовная хрень? Я даже читать про те годы не люблю, как и про сухой закон в Америке. Ну, было, да. Стреляли, да. Кучу народа положили. Ну и что? Сейчас другое время. Живем!

Но да речь не о том. В общем, наехали ублюдки на «дедушку». Только вот «дедушка» вообще-то мастер спорта международного класса по боксу. В прошлом, да, но ведь навыки никуда не деваются! И все рассказы о том, что с годами реакция становится слабее – это для идиотов. Вон посмотрите, как китайские ушуисты скачут! «Старички»! Молодые обзавидуются!

Три удара – три нокаута. Сел в маршрутку и уехал.

Ненавижу тварей! Хотели над дедом поглумиться. Ну вот правда, что у них в головах? Седой человек, беззащитный (и я не про Фаткуллина!), надо свою удаль показать!

Надеюсь, он им челюсти поломал. При правильно поставленном ударе челюсть ломается на раз, как стеклянная. Главное – знать, куда ударить. «Дедушка» точно знает. Хороший он мужик, уважаю! Да что «уважаю»? Считай, родня! Он мне как дядя. Или как дед родной.

Распрощавшись с тренером, медленно побрел к остановке. Ехать мне в Юбилейный, мы там живем. Папа, мама и я. Больше у нас тут родни нет. Папа говорит, перемерли все его родичи. У мамы родня на Урале. В Орске у нее брат, дядя Яша, а мои дед и бабка дальше Орска живут, в забытом богом и людьми рабочем поселке Домбаровка.

Был я там, в этой Домбаровке, и не раз, и впечатление просто ужасное – степь кругом, пыль… выгоревшая трава… старые терриконы… и… и ничего больше, чтобы «и». Дед раньше работал в геологоразведке бурильщиком, а потом геологоразведку прикрыли. Так что и работать ему стало негде. Но тут пенсия подоспела. Так что застряли мои деды в Домбаровке среди степей.

Да и по правде сказать, а куда им податься? К нам? Продать дом и купить что-то в Саратове? Так их домишко доброго слова не стоит, кто за него нормальные деньги даст? А наш Саратов хейтеры хоть и называют грязным Засратовом, так все-таки областной город с почти миллионным населением, а если с Энгельсом посчитать, который почти Саратов и расположен через речку по имени Волга, так и больше миллиона будет. Соответственно и цены не как в Домбаровке. Вот и сидят там, телевизор смотрят и буржуев ругают. Мы им подкидываем деньжат (я сам слышал, как папа с мамой об этом говорили), дядя Яша подкидывает, так что не бедствуют. Да и пенсии вроде как неплохие – я слышал, что у геологов хорошие пенсии. Точно не знаю, но вроде как хорошие.

Как мама здесь оказалась? За тридевять земель от Домбаровки? А папа увез! Он, бывший военный, уволился и какое-то время жил в Домбаровке. Встретил маму в поликлинике – она терапевтом там работала, а ему какая-то справка была нужна. Или простыл, что ли… не помню я точно – в общем, увидел ее и сразу запал на девчонку! Ага, эпичные истории из семейного архива, никому не интересные, кроме их участников и детей с внуками.

Нет, я не циник. Но когда слышишь эту историю в пятисотый раз, начинаешь ее тихо ненавидеть. Глупо, да, понимаю – не дурак! Мне все-таки пятнадцать лет стукнуло пятнадцатого мая! Но вот так – каков есть.

Кстати, в боксерскую секцию меня отец привел. Говорит, мужской спорт! Он сам когда-то занимался, в юности, даже мастера спорта добыл. Когда в армии служил. А потом остался по контракту, получил звание… служил где-то – где точно, я не знаю, не говорит. Подозреваю – воевал. Видел я его ордена, хотя он

их усиленно прячет! Зачем прятать-то, не понимаю. И следы от пуль видел – он ранен в левую руку, в грудь и в ногу. Только вот говорить о них отказывается категорически. Мол, подрастешь, тогда и расскажу! Только куда мне еще расти-то?! Хе-хе-хе… в пятнадцать лет сто восемьдесят четыре сантиметра рост! Тренер, к слову, мне в подмышки дышит!

Хотя почему и не подрасти? Отец-то сто девяносто пять. А дети всегда выше своих отцов вырастают – сыновья, имею в виду. Хотя сейчас и девчонки еще те кобылы! Вымахают – ой-ой!

А мне, с моим ростом, в боксе, если честно, одни плюшки! Нет, не в смысле, что я плюхи получаю, совсем нет! Плюшки – в смысле «очень хорошо». Ну, вот только представить – выходит против меня чувак моего возраста, и… он на голову ниже! А кто виноват? Расти! Каши больше ешь! Хе-хе-хе…

Я, когда пришел в секцию бокса, был рыхлым, с лишним весом. Меня мама даже к эндокринологу водила – вымахал здоровенный, разжирел! Небось, непорядок в организме! Но оказалось, порядок. Надо только больше заниматься, бить по груше, и станешь ты большим и красивым. Главное, чтобы нос не своротили. И уши не сломали.

Да-а… как же мама ругала отца! «Бить по вместилищу разума! Последние мозги вышибут! Тебе, видать, вышибли, что ты его туда повел! Обалдел, что ли?!»

Вот прям обидно стало – чего «последние»-то?! Учусь я вполне так… ну, на тройки, да! И что? И без золотой медали можно в люди выйти! Кстати, решил – или в военные пойду, или в менты. А что? Папа участковый, вполне себе хорошая работа! Все уважают, и даже денежки водятся. Невеликие, но есть. Нет, взятки он не берет, насколько я знаю. Не такой человек. Да и какие взятки у участкового? Не ГАИ же.

Хотя кто знает… я же в это дело нос не сую. Нам хватает денег. Мама в поликлинике работает, тоже денег приносит. Да, «Мерседеса» нет – ездим на «Гранте», ну и что? Везет тачка, да и ладно. Вот выиграю Олимпийские игры, и будет у меня джипяра!

Нет, ну а чего? Я уже сейчас камээса сделал, только возраст не позволял получить. Тренер говорит, что я перспективный. Да и сам знаю – в хорошей я

форме. Дыхалка – норм, скорость – норм, мускулатуры – хоть отбавляй! Мне моих пятнадцати никто не дает!

В армию пойду – сразу в спортроту. А там выучусь. Офицера получу, вот и буду армейцем ездить по соревнованиям. А что, мне нравится. Я люблю спорт. Люблю ощущение ноющих от нагрузки мышц, люблю запах спортзала, люблю мандраж соревнований… и радость, переполняющую душу, когда ты стоишь на верхней ступеньке! Классно ведь!

Мама потом успокоилась – на улице не болтаюсь, не курю, не пью, школу не прогуливаю. А что еще мамам надо? Ну, стучат мне иногда по башке, так не сильно же. Да и я стараюсь не дать им постучать.

В общем, впереди лето, пляж, солнце! Тренировки до осени прекращаются – мы же любители, не профи. На сборы пока не ездим. Все впереди, а пока каникулы! Ура-а! Оценки выставлены, экзамены сданы (пусть и с грехом пополам), теперь – отдыхай! Играй на компе, гуляй, бегай на городской пляж, купайся!

Папа грозился нас отвезти в Крым – посмотреть, как этот полуостров там крымнашится, по мосту проехать. Но что-то верится с трудом – отец вечно в работе, вечно времени нет. Участковых вообще не хватает – никто не идет туда работать. Взяток не дают, а пилюлей от начальства больше чем достаточно (с папиных слов!), так что текучка бешеная. Пришел человек, поработал годик-полтора и ну валить из участковых в охрану или в гаишники. В охране ни хрена делать не надо, а в гаишниках бабло можно рубить. Ну и вот снова папа мой на три участка пашет. Ему не привыкать, он большой!

Ругается, конечно. Грозится на пенсию выйти – возраст-то позволяет. И выслуга. Сорок шесть ему уже. С мамой у него разница в одиннадцать лет. Мама еще молодая, ну что такое в наше время тридцать пять лет? Да она и выглядит как девчонка – худенькая, маленькая, эдакая снегурочка. Когда нас с папой видят рядом с ней, люди только ахают. Ну как такая могла родить МЕНЯ?!

Трудно родила, насколько знаю. Потому нет у меня ни сестер, ни братьев. Нельзя ей. Иногда жалею, что, кроме меня, нет у нас в семье детей – наверное, весело, когда у тебя куча братьев и сестер. А с другой стороны, посмотришь, как братья-сестры собачатся, в кровь друг другу морды бьют, ненавидят друг друга, так и подумаешь: а на фига мне это надо? Когда один – все плюшки мои! Вся

любовь родительская – мне!

Ага, эгоист чертов! Хе-хе… Нет, не эгоист я – прагматик.

Да, вот такие слова знаю! Начитанный, однако. Книжки читаю, в последнее время вот слушать пристрастился. Все больше фантастику – про попаданцев всяких. Ну и в сетевые игры гамаю. «Силкроад», «Айон», все такое. Правда, в последние годы мало уже стал играть. Некогда. После тренировки – какой тебе «Айон»? Дополз до дома, сделал уроки да спать! А утром опять в школу.

Ненавижу школу! Ненавижу, и всё тут! Нет, меня там никто не обижал – да и попробуй меня обидь! Я спокойный, как танк, и так же наеду – только кости захрустят. Просто не люблю сидеть целыми днями на жестких стульях и слушать всякую чушь, которая мне в жизни, скорее всего, не пригодится. В общем, не хочу в школу!

– Эй, Комар, здорово, штоль! Зазнался? Типа чемпион стал?

Тьфу! Задумался, не заметил – Вадька. Вадим Гладин. Вообще-то говнюк, если разобраться. Когда-то мы с ним почти дружили, гуляли, играли вместе. Потом он пару раз неправильно себя повел, паскудно – я его и послал подальше. Мы с ним в одном классе учились, а потом он на Гору перевелся, родители в ПНГДУ работают, квартиру тут купили, чтобы не ездить на работу с Юбилейного. Ну и перевели его в одиннадцатую школу.

Я его давно не видал, года два, не меньше. И не скажу, чтобы хотел видеть. И вообще, терпеть не могу, когда меня Комаром называют. Кто ты такой, сморчок, чтобы меня Комаром называть? Вырасти вначале!

Я-то вырос, а вот Вадя остался прежним. Только вертлявый стал, как на шарнирах. Под уголовника косит. АУЕ, что ли? Ну что их так туда манит? Что хорошего, если ты на кичу загремел? Это крест на всем! Ни хорошей учебы, ни в менты, ни в армию – никуда! Только на нары. Дебилы, ей-ей!

Отец всегда ругался: молодняк пошел – просто мразь какая-то! Даже в девяностые такого не было. Тогда просто выживали, голодали. В бандиты шли не от хорошей жизни – просто некуда было деваться. А сейчас чего? Вот Вадька – чего ему надо? Родители в нефтянке, хорошо зарабатывают. А сынок? Сынок

ходит, как этакая братва из сериала про «Бригаду». Типа черная масть! Какая ты масть?! Говно ты на палочке!

– Чего надо, Вадя? Че хотел?

– Поздороваться хотел. А ты вон че… зазнался! Видали, пацаны? Комар какой важный стал! Папа мент, так теперь на пацанов можно класть с прибором, да? В натуре ты козел, Комар! Мусорская прокладка!

Так. Похоже, сейчас начнется. Ну ладно, обсосы, щас я вам камээса покажу. Не видали еще камээса? Увидите!

– Слышь, Глад… – вмешался один из парней, что были с Вадимом. – Че ты с ним базаришь?! Это же мусорской! Смерть мусорам! АУЕ форева!

Я оглянулся по сторонам – никого. Даже на остановке никого нет – все как будто испарились. Вот только что ждали маршрутку – и уже никого нет! Почуяли кипеж, что ли? Так. Пофиг. Их четверо вместе с Вадей. По слухам, Вадя там вроде как карате занялся, вот сейчас и быкует. Типа крут сделался!

Кстати, это давнее противостояние: кто круче, боксеры или каратисты. Вечно кто-то начинает на эту тему рассуждать – мол, кто кому набуздает. Тренер говорит, ерунда все, балет это. Чтобы получить реальный результат от того же карате, надо заниматься долгие годы, да еще и не простым карате, а контактным. То есть реально получать по мордасам. И реально наносить удары, по противнику. А таких контактников хорошо если процентов пять, а скорее всего один процент и меньше. Остальные – балеруны, которые танцуют свои «ката», имитируют удары. А вот нас учат нокаутирующим ударам. Нас учат принимать удары и отдавать.

Помню, ролик в сети смотрел – там вышли в круг два бойца, один занимался капоэйрой, второй – чистый боксер. Тот, что с капоэйрой, сальто делал, колесом ходил, на одной руке стоял – круто, красиво! Ну, типа на зрителя маркетинг наводил. Понтовался, проще сказать. Боксер стоял и смотрел на такое чудо. А потом сошлись. Три секунды длился бой. Боксер просто поймал этого акробата на прямой правой, и тот лег, как трава. Все! Бой закончен!

Медленно опускаю сумку с плеча на землю, боковым зрением вижу, как двое заходят с боков, а Вадя и еще один ушлепок остаются передо мной и вроде как незаметно делают небольшой шажок. Сердце колотится, даже немного потряхивает. Дрожь в руках. У меня всегда так бывает перед соревнованиями, а когда начинается бой, успокаиваюсь.

Итак, первого валить Вадю, потом того, слева, тощего длинного парня моего возраста. Да они все моего возраста, плюс-минус. Одноклассники Вади, точно. Про эту одиннадцатую школу рассказывали, там у них западло хорошо учиться. Отличников бьют – мол, прогибаешься перед режимом. Реальный пацан не прогибается! Только козлы гнутся перед красной мастью!

Заигрались, твари. И если бы только в Саратове! Говорят, и в других городах такое. Как будто вирус такой пошел!

Главное, чтобы у них «пера» не было. Попишут ведь, твари. А могут и до смерти. Ауешники – еще те гниды. Ненавижу! И не потому, что папа мент – просто ненавижу, и все тут! Строят из себя крутых бандитов. Ну, ближе, ближе, твари!

И тут грохнуло! Да так грохнуло, что стеклянная коробка остановки заколебалась, зазвенела, а я едва удержался на ногах!

Вспышка! И по небу огненная полоса!

– Да … ь!

Мои противники растерянно застыли там, где их застало. Что именно застало? Да кто же его знает, что застало! Первая мысль – америкосы бомбанули. А что – в Татищеве ракетные шахты, туда будут долбить в первую очередь, а до нас уже взрывная волна докатится. Кстати, тоже мало не покажется, тут расстояние по прямой сорок километров. Если положат в Татищеве что-то большое, и тут будет кисло.

Еще вспышка! Еще!

Много, много вспышек!

Грохот, будто пролетел сверхзвуковой бомбардировщик! Вот ни хрена себе!

– Дым! Гля, пацаны, промысел по ходу горит! – радостно взвизгнул один из парней. – Щас пожарники поедут! Ништя-а-ак!

– Ты че, ох…л?! – резко бросил крепыш, что стоял справа. – Какой ништяк, в натуре? У меня маман на промысле работает! Ты че, радуешься, что моя мама сгореть может, а?! Ты че, козлина, в натуре, берега попутал?! Ты че базаришь?! Как с гада щас спрошу!

Я потихоньку поднял сумку, повесил на плечо и пошел в сторону, стараясь не оглядываться на моих потенциальных противников. Лучше к следующей остановке дойду, не разломлюсь. Во-первых, эти твари вполне могут накапать на меня в ментовку, и я буду неправ. Ну… когда им челюсти переломаю. По закону – я должен позволить им себя избить и потом уже заявить в полицию. А если я все-таки переломаю им челюсти и носы, меня же и посадят. Ведь я боксер, а, как известно, это отягощает вину. Потому что профессионально владею приемами рукопашного боя. А то, что они сами занимаются дрыгоножеством, никому не интересно. Пострадавшие-то они, а не я!

Дикость, конечно. Папа всегда ругается по этому поводу – дурное у нас законодательство. Кстати сказать, он всегда был за свободное владение и ношение короткоствольного оружия – тех же пистолетов. Мол, когда будут знать, что жертва может ответить, уже не так буро полезут. Наверное, он прав, хотя мама и говорит, что, если раздать оружие всем желающим, сейчас и начнется беспредел.

Глупости, конечно. У нас вот дома два ствола – охотничьих, конечно. Папа еще с юности сохранил. Пятизарядка «МЦ-21–12» и курковая тулка «БМ», шестнадцатого калибра. Папа раньше ездил на охоту – зайцев гонял. Но в последние годы не ездит – некогда. А ружья лежат, и патроны лежат. Выезжали как-то, стреляли по банкам. Он меня учил ружьями пользоваться – мол, в жизни пригодится. Гораздо лучше кортика, точно можно от бандитов отбиться.

Почему кортика? Ну, это анекдот такой, его президент рассказывал. Парнишка один взял и сменял папин кортик на красивые дорогие часы. А отец обнаружил такое безобразие и говорит: «Да, хорошие часы! А вот теперь представь, сынок: пришли в наш дом бандиты. Меня убили, твою сестру и маму изнасиловали,

избили. А тут ты выходишь с часами и говоришь: «Московское время двадцать часов пятнадцать минут!»

Я всегда смеялся, когда слышал этот анекдот, хотя и не совсем понимал – что может сделать кортиком какой-то там пацан. А вот ружьем – да! Если что, патронов у нас хватает. Всякое там АУЕ поляжет, как трава!

Помню, как первый раз выстрелил из бээмки. Мне десять лет было, я тогда еще мелкий был, ну и вот, приклад взял, да и на плечо положил. И жахнул!

Ох оно и лягнуло! Губу разбил и указательный палец скобой рассадил. С тех пор знаю, что ружье – это серьезно, даже если оно и выглядит так несерьезно, как бээмка.

М-да, красиво! Нет, не ружье красиво, хотя я обожаю оружие. Любое оружие! Ружья, ножи, мечи, пистолеты! В игре я всегда воин, «танк». Нравится мне мечом махать! В отца, видать, он тоже оружие любит.

Красиво – на небе! Все небо в росчерках! Метеориты, теперь понятно. Только таких метеоритов я и не помню. Челябинский? Так он один был такой! А тут – все небо в полосах!

И снова жахнуло. Да не где-то, а рядом! Меня даже воздухом толкнуло! По Бакинской как раз ехал какой-то джип или не джип – так от него осталась только кабина! Капот, двигатель – все разлетелось вдребезги! Мимо меня что-то промелькнуло – успел заметить, все-таки реакция боксерская. Когда опомнился после того, как бабахнуло, – взрыв это был, что ли? – в огромном старом тополе торчала железяка. Не знаю, где в машине стояла эта кривулина длиной сантиметров тридцать и похожая на кривую букву Г, но то, что она когда-то была в машине – это точно.

Мороз по коже продрал. А если бы чуть правее?! Ой-ой… башки бы как не бывало! Самое интересное – люди в машине остались живы! И, похоже, даже не пострадали. Вылез мужик и с ним девчонка – оба, видать, в шоке, глаза вытаращили, смотрят на машину.

Жалко машину, ага. Новая была! Или был? Ну, если джип – был. Если машина – была! По русскому у меня отлично. Я хоть и спортсмен, и мне положено быть

тупым, с выбитыми мозгами (хе-хе-хе!), но соображаю. Читаю много. Отец приучил читать. Правда, теперь все больше слушаю – времени нет читать. Но зато везде книжки слушаю – в автобусе, маршрутке, даже в спортзале. Тренер вначале ругался, потом отстал. Не мешает же!

Ну ладно, поглядел на аварию, и хватит. Домой надо ехать! И только тут дошло в полной мере: а я ведь только что едва не погиб! И не только от железки – ведь метеорит мог попасть и в меня! Шлеп! Как жучка бы прихлопнуло!

Кстати, читал про то, как исчезли динозавры. Есть такая версия, что динозавров метеорит убил. Жили они себе, жили, жрали все, что шевелится, и вдруг… рраз! Метеорит в Землю шарахнул! Земля аж повернулась, полюса сменились. И там, где были леса, стала пустыня, где степи, лед нарос. Ну и так далее. В общем, климат сменился, и динозаврам кирдык. Когда я об этом прочитал, сразу подумал: а если?! И будут нас раскапывать, как динозавров! И вот как нарочно – бах! И готово! Чуть не прибило каменюкой!

А дым над промыслом такой… конкретный. Неслабо горит! Опасное это дело. С Горы нефть в Волгу пойдет, потравит рыбу. Пляжи загадит. Несчастной Волге и так уже досталось – рыбы нет, грязная. Вся рыба внизу, до Волгоградской плотины, а у нас грязная помойка, а не Волга! Отец всегда ругается по этому поводу: эта ГЭС – какое-то дьявольское сооружение. И что ведь творят! Вот сейчас, к примеру, нерест рыбы. Куда она нерестится? На кустики, на подводную траву возле берега – чтобы тепло, чтобы к солнцу поближе. Инкубатор, так сказать. И тут эти самые начальники с ГЭС дают приказ – открыть плотину! Сбросить воду! Слишком много ее накопилось, воды этой. Ну и открывают. Уровень воды падает, и вся икра остается на берегу. Высыхает. И как это назвать? Это даже не головотяпство, это преступление! За это сажать надо!

Я согласен с отцом, верю ему. Если он сказал, все так и есть. Папка редко ошибается, и только по незначительным поводам.

Пока думал о Волге и вообще обо всем, подошла маршрутка, обогнув разбитый автомобиль, из нее посыпались люди, тут же изумленно оглядываясь на казненный джип. Я открыл дверь маршрутки рядом с водителем и плюхнулся на сиденье. Хватит на сегодня приключений! Домой хочу! К маме! Сейчас борща натрескаюсь и спать… устал, ей-ей. Впереди лето, впереди каникулы, и все будет хорошо, очень, очень хорошо!

8 июня, 10 утра. Настя Самойлова

Вот это ее занесло в глухомань! А все мамочка! «Поезжай к бабушке! Отдохни! Там Волга! Пляж! И бабушка рада будет! Бабушку навещать надо!» Ага, навещать! А сама свалила с Арнольдом на Мальдивы! А Настя теперь должна протухать здесь, в дурацком Саратове! Засратове! Вот! Засратов! Тьфу!

Настя потянулась, от чего ее майка задралась едва не на шею, и задумчиво почесала левую грудь. Потом внимательно осмотрела ее на предмет прыщика и недовольно поморщилась: сыпь какая-то, что ли? В этом городишке, того и гляди, подцепишь какую-нибудь дрянь! То ли дело Москва! Чистота, порядок. Все выметено, все красиво. А здесь… пыль, дороги дрянные, да и люди, честно сказать, хреноватые! Саратов, одно слово!

Нет, она уже не саратовская! Ведь бо?льшую часть жизни прожила в Москве! И она не такая лохушка, как здешние девки! Тут и ребят нормальных нет, не с кем пообщаться. О чем со здешними говорить? Московских новостей они не знают, а саратовские ей не интересны. Да и город ей не интересен. Волга? Да на кой черт ей это грязное болото?! Кстати, даже на пляж не с кем пойти! Она никого тут не знает!

Настя встала, подтянула трусики, подошла к зеркалу, висящему на стене. В это зеркало когда-то смотрелась и мама, перед тем как отправиться на завоевание Москвы.

Мама была актрисой. Не самой успешной, хотя роли в кино у нее и были, но все-таки актрисой. Притом красивой, очень красивой женщиной! И в общем-то, не дурой, это все говорили. Только вот не везло ей – ни с ролями, ни с мужиками. По крайней мере, она так говорила – не везет! Уже став постарше, Настя стала понимать, что все не так просто, что вряд ли мамины неудачи – результат происков многочисленных завистников и врагов. Вполне вероятно, что мама посредственная актриса, которая только и умеет, что надувать губки, становиться в профиль с задумчивым взором и при первой же возможности обнажать свое замечательное тело. На которое, само собой, имеется целая туча желающих.

И с мужиками все непросто: уж очень мамочка любит повеселиться, да еще и в компании мужиков. Мужики любят шлюх, без всякого сомнения, вот только

женятся на них очень редко и неохотно. А маме очень хотелось замуж, очень! Возраст-то уже того… за тридцать! Скоро не помогут ни дорогие кремы, ни процедуры. Ботекс, операции – это все для замужней.

Настя ее прекрасно понимала! От матери она унаследовала кукольную мордашку, великолепное тело, форму которого поддерживала в спортзале (модно быть спортивной и вести ЗОЖ!), а от отца, который растворился в неизвестном направлении после рождения Насти, – холодный, расчетливый ум.

Дурой Настя не была, это точно, и трезво оценивала свои шансы. Вот окончит школу, а потом… Неплохо бы поступить во ВГИК, но кто ее туда пропустит? Там только свои! А мама, при всей ее тусовочно-киношной деятельности, к «своим» никак не относится. Так, мелкая шлюшка-актриска, которой можно поделиться с другом. Не профессиональная путана, но… как-то близко к тому.

Противно, да. Настя такой не будет, точно!

Училась она на отлично, не выпивала, наркотой не баловалась, занималась фитнесом и даже бегала по утрам. С мальчиками не тусовалась – в свои пятнадцать лет была не просто девственницей, но и не участвовала ни в каких игрищах, придуманных развиты?ми и продвинутыми одноклассниками, в которых можно было получить сексуальное удовлетворение без обычного секса. Никакого петтинга, так сказать. Никаких вписок, записок и всякого такого. «Руссише герлз – облико моралез!» – как она любила обламывать очередного желающего потискать ее не такие уж и маленькие, крепкие груди.

Нет, вообще-то она парней понимала – модельная внешность, шлюховатое, глуповатое личико, титьки торчат так, что никакого лифчика не надо, – естественно, парням хочется познакомиться с ней поближе. Но ей этого не надо. Она знала, чего хочет, – или ВГИК, или МГУ, потом богатый мужчина, и… все будет хорошо. Не как у мамы!

Именно мужчина, а не щенок, не разбирающийся в жизни и живущий за счет папаши. Мужчина, который будет носить ее на руках, холить, лелеять и даст ей все, что она ни попросит! И она отдаст ему свою девственность и свою душу. Потому что так правильно. А если он вздумает ее предать, попробует от нее отделаться – отсудит у него пару-тройку миллиардов зеленых и будет жить в свое удовольствие. Вот так, и никак иначе!

Скучно. Вчера, правда, был прикол – метеоритный дождь! Вот это прикол так прикол! Все небо в полосах! Как будто его кто-то исчеркал! Настя смотрела на полет метеоритов с лоджии – красиво просто невообразимо!

Потом слушала в новостях – оказывается, такой дождь прошел по всему миру, не только в России. Где-то даже с последствиями: разрушения, пожары и все такое прочее. Кстати, в новостях и Саратов упомянули, мол, на нефтепромысел камешек залетел. Занимаются тушением пожара, бла-бла-бла… все пожарные со всего города. Но отсюда не видать… Потушат, чего уж там.

Настя снова зевнула и побрела в ванную, на ходу стягивая маечку и трусики. Снова посмотрела в зеркало – ну нравилось ей себя разглядывать, нравилось! Рост почти сто семьдесят! Ноги – от зубов! Соски торчат! Голубые глаза блестят! Золотые локоны кудрятся! Ну не хороша ли я?! Кто на свете всех милее, все прекрасней и белее?!

Нет, насчет «белее» – Настя белизну не любила. Красивый загар – наше все. И лучше чтобы никакого следа от лифчика и трусиков. Где в Москве загорать? Да что, соляриев мало, что ли? При каждом фитнес-центре их как грязи! Мамочка следит за своей физической формой и на Настю денег не жалеет (небось надеется на ней паразитировать мамуленька, когда в тираж выйдет!), так что Настя и занимается, и загорает. Загар ровный, красивый, золотистый. Жаль, что некому показать, но… если надеть короткие шортики, короткий топик и пройти по улице – сто процентов гарантии, что все парни и мужчины просто свалятся к ее ногам, как подрубленные деревья!

Мамочка, перед тем как отправить к бабушке в Саратов, посмотрела на нее этаким странным-престранным взглядом и задумчиво так сказала: «Хороша! Мечта педофила!» И после этого законопатила Настю в Саратов на все лето. И Настя подозревает почему. Арнольд, старый пердун, все зенки сломал, разглядывая Настину задницу. Похоже, что мама почуяла в дочери конкурентку. Мамочка тут собаку съела, в этих самых любовных делах, чует «зверя»!

Только Насте этот чертов волосатый кавказец не нужен. Что, мама думает, Насте еще не предлагали? Да как минимум двое из маминых сожителей предлагали Насте, так сказать, полный пансион в обмен на ласку и уступчивость! Пришлось даже сказать, что посадит идиотов – ей «надцать» лет, куда лезут, дебилы?

Но маме ничего не сказала. Будет скандал, и еще неизвестно, кто пострадает. Вполне вероятно, Настя. Те сразу откажутся, скажут, что она их соблазняла, мамаша легче поверит им, чем дочери, и… жить в Саратове у бабушки Насте как-то и не хотелось.

Кстати, эта вот поездка как бы не стала роковой. Надумает мамаша, что Настя стоит на дороге к маминому успеху в личной жизни, и… прощай, любимая Москва! Прощай, метро, прощай, Арбат! Здравствуй, пыльный Саратов с грязной Волгой и разбитыми тротуарами. До восемнадцати лет – пока Настя не достигнет совершеннолетия и не пошлет мамочку по известному адресу.

Настя в сердцах фыркнула, подошла поближе к зеркалу. И правда, что за сыпь у нее на животе, чуть выше лобка? Нет, ну на лобке-то бывает сыпь – после бритья, сейчас все девчонки бритые, а «мохнашек» считают тупыми колхозницами, так что приходится соответствовать, но та сыпь совсем не сыпь, а раздражение! А тут… красное все! Как аллергия! А на что аллергия? У Насти нет аллергии. По крайней мере, не замечала. Вот мама каждое лето сопливится, капли в нос капает, а Настя – нет. А тут…

Ладно, всё потом! Сейчас душ примет, потом разберется, что и как. Надо посмотреть в аптечке – у бабули должны быть лекарства от аллергии, надо только хорошенько поискать.

Встала в ванну, задвинула пластиковую занавеску. Включила воду, отрегулировала, стала поливать себя, стараясь не намочить волосы. Намочишь, придется их сушить, расчесывать – задолбаешься! Неохота. Вечером если только.

Кстати, а где бабуля? На рынок небось пошла, он тут рядом. Старается накормить внучку свеженьким.

Хорошая она! Не то что раздолбайка мамаша… Та сунет денег и вроде как выполнила родительские обязанности. А поинтересоваться, как у дочери учеба, как себя чувствует, так нет. В конце-то концов, просто поговорить можно хоть когда-нибудь?! Сколько Настя себя помнит с тех пор, как уехали в Москву, – она одна. Или с няней, которой до нее, до Насти, совершенно фиолетово, лишь бы время отбыть.

Бабуля, конечно, достает своей заботой, но… приятно, когда о тебе заботятся, когда за тебя переживают! Когда чувствуешь, что ты не одна. Бабуля вообще-то врач, до недавних пор в поликлинике работала, сейчас уже не работает. На пенсии. Скучно ей – вот Настю и тетешкает. Да пусть… не дай бог помрет – никому больше Настя не нужна будет. Так она раз и сказала: «Эх, внученька, внученька… вот помру, и никто о тебе больше не позаботится! Никто тебе подушечку не поправит, одеялко не подоткнет! Мамаша непутевая, ей только задом вилять. Надеюсь, у тебя жизнь сложится по-другому!»

Настя тоже на это надеялась, и даже очень. Очень.

Вдруг затошнило. Да так затошнило, что Настя не удержалась, согнулась в спазме и фонтаном выдала все, что у нее было в желудке. А так как в желудке почти ничего и не было, процесс оказался довольно мучительным. Одна желчь, слизь и… и больше ничего.

Когда Настя пришла в себя, тяжело дыша и отхаркиваясь, она задумалась, надо ли позвать бабулю. Да, скорее позвонить бабуле! Она все устроит! Она вылечит, что бы это ни было! Хоть холера, хоть чума – против бабули не устоят! Порвет за Настю!

Смыла с опоганенных бедер рвоту, быстро вытерлась, побрела в свою комнату на поиски айфона. Подташнивало, голова кружилась, в глазах все плыло. Остановилась у зеркала, посмотрела на себя и с ужасом потрогала живот пальцами правой руки. Живот был багровый, будто ошпаренный кипятком, и притрагиваться к нему очень больно!

Превозмогая слабость, достала из шкафа чистые трусики, майку, оделась. На всякий случай достала еще и уличную майку, и шортики – вдруг придется «Скорую» вызывать? Не хочется сверкать почти голым задом перед врачами.

Из глаз потекли слезы – что с ней?! Что это такое?! Она ведь вообще практически не болеет! Даже грипп, и тот ее обходит стороной, когда полкласса «отдыхает» по справке, а тут… Саратов! Чертов Саратов! Говорят, здесь проводят испытания химического оружия! Или его уничтожают? А еще – тут есть институт «Микроб», где разрабатывают всякие гадости-вирусы, чтобы заражать врагов! Может, оттуда какая-то пакость вырвалась? А что, как в фильмах про зомбаков!

Снова затошнило, и Настя побрела в ванную искать тазик. Про айфон она уже забыла. Настя всегда была очень чистоплотной девушкой, потому физически не могла наблевать на ковер у кровати. Да и вонять потом будет…

Тазик нашелся – старый, еще советский. С розами по эмали и отбитым боком. Настя помнила его всю свою жизнь, похоже, он был гораздо старше ее самой. Поставила тазик у постели и только тогда вспомнила про айфон. Достала его с полки, набрала номер бабули. Та ответила практически сразу – видать, сама хотела звонить. И голос ее был встревоженным:

– Настюш, с тобой все в порядке?! Тут такой ужас! Похоже, эпидемия! Ты не выходи из дома, я скоро приду!

– Бабулечка, приходи скорее! – выдавила из себя Настя, борясь с приступом тошноты. – Мне очень плохо!

И потеряла сознание.

8 июня, 10 утра. Андрей Комаров

Плохо. Мне было ОЧЕНЬ плохо! Началось все утром, часов в девять. Я собирался сегодня поспать подольше – святое дело, каникулы! Можно дрыхнуть, и никто не начнет кричать у тебя над ухом: «Подъем! В школу пора!» Родители все это понимали и, посмеиваясь, старались не разбудить. На столе – вареные яйца вкрутую, лучший завтрак для спортсмена; вазочка с вареньем, хлеб под салфеткой, ну и записка, это уж само собой. Обычно в ней пожелания типа: «Хлеб в печи, вода в ключах, а голова на плечах!» Ага, «Мальчиш-Кибальчиш». Папа мне читал его в детстве, когда я еще не умел читать. Мы лежали рядом, я касался головой его литого плеча, а он читал глуховатым басом, стараясь менять интонации, когда говорил за разных героев. Хорошо было! Очень хорошо!

Хотя мне и сейчас хорошо. Хм… было хорошо. Пока не проснулся от дичайшего приступа тошноты! Меня просто скрутило пополам, и я едва успел добежать до унитаза – плюхнулся на колени и давай рычать! Глотку жгло, перла кислота из желудка – съеденное вечером успело перевариться, так что кроме желчи и соляной кислоты – больше ничего. И тем хуже для меня.

Может, молока попить? Чтобы было чем блевануть?

Только подумал о молоке и вообще о еде, так меня тут же снова начало полоскать. Нет, не то! Если регидрону выпить? Должен где-то быть. Мама всегда говорила: если отравлюсь и меня начнет рвать, так сразу регидрон пить. И воды – много. Мама врач, ей виднее.

Поднялся, пошел умываться, смывать с губ вонючую слизь. Смыл, прополоскал рот, глянул в зеркало и ахнул! Живот весь красный! Ну просто как рак красный! И с какого хрена?!

На всякий случай нашел тазик. Поставил его у кровати и плюхнулся на постель, чувствуя, как тяжело толкается сердце. Голова кружилась, слабость – аж руки трясутся. И что делать? Маме звонить? Хм… ну не папе же. Кто у нас врач? Папа только калечит. Злодеев. Хотя уверен, перевязку он может сделать просто мастерски. Я раз руку себе распорол – вон шрам на запястье, – он так ловко повязку наложил, даже мама удивилась и спросила, чего она о нем еще не знает. Он только отшутился, мол, чего не знает, того и знать не надо. «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

Ага, папа не смотри что на вид громила, тупой ментяра – он Шекспира наизусть цитирует, считает в уме, как компьютер, и на гитаре играет. Песен знает – море! Кстати, и поет неплохо.

Нашел смартфон, только собирался звонить маме, и… вот она! Как чует!

– Сынок, ты уже не спишь?

– Мам! – Я хохотнул через силу, борясь с тошнотой. – Если я нажал на кнопку вызова, значит, уже не сплю, как ты думаешь?

– Сынок, с тобой все в порядке?

– А ты откуда знаешь? – вырвалось у меня.

– Что?! – всполошилась мама. – С тобой плохо, да? Живот красный, тошнит, голова кружится?

– Да… – немного растерялся я и тут же сообразил: – Что, я не один такой, да?

– Да! – Голос мамы стал деловитым и внешне спокойным, хотя я чувствовал нотки сдерживаемого возбуждения. – Никуда не ходи. Лежи. Я скоро приду! У нас эпидемия – в основном дети. Есть и летальные исходы – в основном младенцы. Сынок, все очень серьезно! Держись, я скоро!

Я ничего не ответил – а что говорить? Мама все сказала. Теперь лежать и ждать, когда она изгонит из меня беса по имени «болезнь». Что за болезнь, ей виднее. На то она и врач! И мама. Мама меня в обиду не даст!

Меня снова скрутил приступ тошноты, и я перегнулся с кровати к тазику. Ох и хреново же мне!

8 июня, 12 дня. Вадим Гладин, он же Глад

Козлы! Все – козлы! Благополучные, бессовестные козлы! Мамаша с папашей – такие правильные, такие улыбающиеся, а как придут домой – и давай рассказывать, какие все вокруг твари, мрази. Этот козни строит, подсидеть хочет, эта насосала себе должность и теперь командует. А та… в общем, все твари, все гады и все зла желают.

Вадима всегда бесило такое двуличие! То ли дело – пацаны! Все свои, все живут по правилам – Арестантский Уклад Един! Если ты правильный пацан, отвечаешь за свои слова. Если ты козел, петух, значит, сидеть тебе под шконкой! Это Закон!

Глад ненавидел всех. Одноклассников, которые считали его придурком – за то, что он медленно соображает и плохо учится. Одноклассниц – за то, что считают его уродом и хихикают над ним. Учителей, которые угнетают, заставляют учиться и ставят двойки. Ненавидел всех благополучных, всех веселых, всех довольных жизнью!

Он мечтал собрать свою банду, типа «Бригады», и стать Белым. Чтобы он такой в кожаном плаще, весь красивый и опасный, резкий, как удар грома, а все оглядываются и говорят: «Это Глад! Гляди – это Глад!» И все девки его. Все! На кого покажет, та и его девка! И он сделает с ней все, что захочет.

Глад знал, чего он захочет. Не зря пересмотрел сотни и тысячи роликов порнухи. Только вот испытать что-либо подобное ему никак не удавалось. Девчонки его игнорировали – он ни ростом, ни красотой не вышел, а денег у него никогда не было. Родители жадные, хотя денежки у них точно водились – все-таки в нефтянке работают. Вечно копят, копят, копят! Ни одеться как следует, ни в кафе девчонку сводить.

Ну, ничего! Когда-нибудь он поднимется, станет авторитетом, и уже тогда… они пожалеют, что не замечали! Горько пожалеют эти девки!

Чтобы компенсировать недостаток роста, Глад пошел заниматься в секцию карате. Вел ее бывший спортсмен Кирилл Петрович, мужчина за сорок, крепкий, жилистый. Поговаривали, что в девяностые он бандитствовал, но потом его «закрыли». Отсидел, вышел и устроился работать на СТО электриком, а три раза в неделю вел в спортзале школы секцию карате.

От него Глад и узнал об арестантском укладе, о том, как нужно жить правильному пацану.

Его тренер заметил сразу – Глад выделялся своей злостью, резкостью, нетерпимостью. Ну и делал успехи в тренировках. Потом к Гладу присоединились еще трое пацанов. С ними он приходил и на квартиру к тренеру – там пили чай, разговаривали о жизни, и тренер учил их, как выжить в этом злом мире. Учил правильным вещам: уважению к старшим по масти, тому, как надо вести себя с правильными людьми и что делать с лохами.

В принципе Глад и сам все это примерно знал, но тренер дал ему расклад – точный, правильный, по понятиям. Не раз он им говорил, что хочет воспитать пацанов сильными людьми, настоящими жиганами! Теми, кто не боится никого во всем мире! Фартовыми!

Об их встречах никто не знал. Тренер сразу предупредил – никому ни слова. И еще – чтобы Глад подбирал стоящих пацанов, можно и не из школы, можно с других микрорайонов.

Глад не был дураком. Он понимал, что делает Петрович, как они его звали. Тому нужна была своя организация, своя ОПГ. И он хотел воспитать бригаду из своих

учеников. Но Вадим был совсем не против. Почему бы и не так? Работать он не хотел, а денег очень хотелось. Петрович был подкован и юридически – учил, как не попасться на деле, как разговаривать с мусорами, если уже влетел. И как себя вести на зоне, чтобы приняли настоящим пацаном. Намекал, что есть у него там связи, если что, поможет. Он в авторитете.

Но Глад не собирался всю жизнь сидеть под Петровичем – пусть только наладит, а там и видно будет. Он, Вадим, гораздо умнее, чем все думают. И он еще всем покажет! И Петровичу – тоже. Потому что и тот считает Вадима полоумным злобным недомерком! Глад знал – считает! Хотя вслух этого и не говорит. Мол, с головой у Вадима не все в порядке!

С головой у Вадима и правда было не все в порядке, это знали все, и знал он сам. В раннем детстве он едва не убил одногруппника в детском саду – бил его металлическим совочком до тех пор, пока не подбежала воспитательница и не остановила побоище. Вадим рассек ему губу, бровь и едва не выбил глаз. Вадима из детсада убрали, водили к психологу, к психиатру, но никаких отклонений не нашли. Дети – маленькие звери! Что у них в голове, только Бог ведает. Вот таким был вердикт светил психиатрии и психологии. Воспитательницу уволили за то, что недосмотрела, побитый был внуком главного инженера крупного предприятия – скандал до небес!

Потом Вадим едва не убил мальчишку уже в школе, но никто не знал, что именно он, Глад, это сделал. Вадим подкрался к нему со спины, когда тот шел из школы домой, и ударил его обломком кирпича в затылок. Мальчишка выжил, но с тех пор стал заикаться и носить очки с толстыми линзами – сильно ослабло зрение. За что Вадим его ударил? За то, что тот посмел неуважительно с ним говорить в школьном коридоре. Вадим врезался в него, когда бежал в туалет, и мальчишка (он был на два года старше) обругал его и назвал корявым недомерком. Ладно бы там козлом обозвал или матом обложил бы – а он вот так, «интеллихентно»: «Корявый недомерок, у тебя глаза есть?!» В общем, парень едва не лишился глаз. В открытую Вадим с ним тогда бы не справился – тот был рослым, крепким, но вот так, исподтишка – запросто.

Были и еще случаи, о них Глад вспоминал с удовольствием, как о приятном, памятном событии. Исцарапать новую машину соседа, вымазать дерьмом дверь бабке, которая сделала ему замечание, уже и не помнит – за что. Яд разбрасывал – подкармливал соседских кабыздохов и потом смотрел, как они катаются на земле, умирая в страшных мучениях, а их хозяева воют, не зная, что

делать и куда бежать. В такие моменты он чувствовал себя удивительно сильным, живым, он буквально… испытывал сексуальное удовлетворение о того, что кому-то плохо и больно. Но признавать себя маньяком Вадим не собирался. Он нормальный! Это все вокруг твари и мрази! Не он такой, жизнь такая!

А потом и до гоп-стопа дело дошло. Не так, чтобы всерьез, чисто ради развлекухи. Ну а если что-то перепадет, какие-то копейки, так почему бы и нет? Телефон у лоха можно отжать, а продать в другом районе. Специально в Ленинский ездили, чтобы попробовать. Два раза неплохо прошло, на третий менты чуть не накрыли. Еле ушли.

Ментов Глад ненавидел всей своей душой, как волк ненавидит собак. Волк – гордое животное! Живет с крови! Собака – мерзкая тварь, ловит волков. Менты – собаки, их надо уничтожать!

Когда увидел у остановки Андрюху Комарова, Комара, внутри просто все взыграло! Вот же мразь! Высоченный, плечистый, морда как у киноактера! Небось, девки кипятком ссут, когда его видят! Боксер хренов! Когда с ним вместе учились, он был еще рыхловатый, лох лохом, а теперь вон чего! Даже двигается по-другому, от бедра, как тигр! Скотина!

Да, Глад ему завидовал. Просто до воя завидовал! Он всегда хотел быть таким – красивым, уверенным в себе, сильным. И куда рыхлость-то у Комара подевалась? Гаденыш…

Осилят его отмудохать? Да пошел он! Их четверо! А он один! А можно слегка и ножичком пописа?ть… сразу прыти поубавится. У Карла дубинка еще есть – пружинная. Так оттянет, мало не покажется!

Глад не мог думать ни о чем, кроме того, как Комар сейчас будет валяться на земле, хрипя и заливаясь кровью. Как и положено мусорской прокладке! Бей мусоров! АУЕ!

Не получилось. Когда по небу полетели метеориты, начался шум, пошла суета, этот ссыкун Комар под шумок и смотался. Ну, ничего! Они с ним еще встретятся! Кстати, Глад помнит, где тот живет. Можно как-нибудь вечерком поторчать в подъезде, дождаться.

Постояли, посмотрели на то, как падают метеоры, а потом разбежались по домам. У одного мамаша дежурит на промысле, другой что-то якобы вспомнил, дело важное и неотложное, третий еще что-то. Так теперь одному Гладу тут торчать? Тоже домой пошел.

Дома, как обычно, нытье мамаши на тему, какой он неуклюжий болван и что толку от него не будет никакого, невкусный ужин – мамаша за всю свою жизнь так и не научилась готовить, из-за чего у них с папашей вечные скандалы. Тихие скандалы, не вылезающие за стены квартиры. Ведь семья-то, как говорят соседи, «такая хорошая, такая хорошая! Уважительные! Всегда здороваются». Знали бы вы, дуры старые, что про вас говорят в этой «хорошей семье»! Небось, уши бы в трубочку свернулись!

А потом лег спать. Честно сказать, что-то не по себе. Простыл, что ли… температура вроде как поднялась.

Утром проснулся от того, что скрутил невероятный, жестокий приступ рвоты! Да такой, что и добежать до сортира не успел! Выблевал на пол, потом минут пять содрогался в спазмах, пытаясь выкинуть вместе с желчью и сам желудок, и, только когда организм успокоился, побрел за тряпкой и ведром. Надо убрать. Во-первых, воняет. По жаре нюхать еще и блевотину – это выше всяких сил. Родичи, жлобы хреновы, не ставят кандюк! Типа «от него болеют»! Жадные, вот и всё! И денег стоит, и электричество палит. «Что того лета-то?! Два месяца! Потерпел, вот и закончилось! И зачем нам сплит-система?»

Два месяца! Арифметики хреновы! А он тут мучайся, потей! И окно не откроешь, во-первых, там такая же жара, как и дома, во-вторых, пыль с улицы летит! Пятиэтажка, последний этаж и никакого тебе чердака. Сковорода, да и только.

А ведь какие-то сволочи живут и в хрен не дуют! Прохладным воздухом наслаждаются! Тот же Комар – у него родаки нежадные и бабло имеют. Мамаша врачиха, папаша «мусор», а «мусора» всегда с граждан бабло имеют! И честных бродяг щемят! У-у-у… твари!

Стоя на коленях, убрал блевотину, а потом добавил в ведро новую порцию рвоты. Теперь полоскало гораздо дольше, просто вывернуло наизнанку, сил нет! Дотащил ведро до сортира, вылил в унитаз и взял ведро с собой. Поставил у кровати, как после пьянки. Туда будет делать свои делишки.

Где, сука, родаки?! Работают? Бабло куют? Пока он тут подыхает!

Отравился, что ли? Мамочкиной жратвой? А что, запросто! Только языком трепать может, а чтобы вкусно сготовить – так ни хрена! А вот у Комара мамаша, небось, вкусно готовит. Тварь смазливая!

И что это все время Комар в голову лезет? Сам не понял. Не видел его… сколько? Года два? Три? Тогда он еще мелкий был, а щас… сука! Башку бы ему отрезать, гаду! И сделать из нее тсантсу! Гы-ы… ага, точно! В кино видал – в Южной Америке головы отрезают и уменьшают, с кулак величиной делают. Вот бы и Комара так! Подвесил его у кровати на ниточке и щелкаешь по носу: «Что, Комар, молчишь? А помнишь, как ты языком трепал лишнего? То-то же… повиси, повиси! Гы-ы…»

12 июня, около 12 часов дня. Андрей Комаров

Я с трудом открыл глаза и обнаружил, что нахожусь у себя в комнате. Пахло чем-то кислым и вонючим, и я через пару минут размышлений пришел к выводу, что это несет от меня. Я так вонял. Простыня прилипла к телу, на груди, с которой простыня сползла, виднелись следы чего-то неприятного, теперь уже засохшего. Видать, выблевал себе на грудь.

Итак, похоже, что на «Скорой» меня не увезли. Я потерял сознание и остался лежать в своей постели. В принципе это даже хорошо – ну на кой черт мне больница, что я там не видел? Дома свой врач! Уж мамуля-то знает, как и что лечить! Врач она от бога, так все говорили.

Кстати, ее уже давно звали работать в платную клинику, большие деньги обещали. Но она не пошла, типа «а кто тут останется? Кривая Машенька?»

Я, когда первый раз эту Машеньку увидел, обомлел! Пришел маму навестить на работу – ключи забыл от квартиры. Ну и вот, эта Машенька реально кривая, у нее глаза в разные стороны смотрят. Мало того, у нее страшные кривые зубы и еще признаки церебрального паралича. Она как-то подергивается и руками двигает странно. Как можно было больного человека поставить терапевтом, я не знаю. Маму спросил, так она плечами пожала. Мол, почему бы и нет? Главная задача Машеньки – отправить посетителя к узкому специалисту, направление выдать.

Жалуется на уши – к лору! Жалуется на глаза – ясно куда, не к проктологу. Ну и так далее. Но вот назвать ее настоящим доктором язык не повернется. Все дельные врачи ушли в платники, и кому работать? Остались или совсем никудышные, или отстаивающие справедливость, такие, как моя мама. Ну вот не может она бросить своих пациентов, и все тут! И черт с ней, с зарплатой, – хоть платят нищенскую, зато совесть чиста!

Папа в принципе не протестовал – мол, поступай как знаешь. Прокормлю! Вот так и живем – дворцов не нажили, но совесть чиста. Иногда даже обидно – люди вон в бассейнах купаются, на Мальдивы катаются. А мы…

А мы счастливы, черт подери! И все нам завидуют! И думают, что мы богачи! И пусть завидуют – всякие там Вадики и Хренадики. Пусть! Все у нас хорошо!

Я услышал тяжелые, шаркающие шаги и попытался подняться. Сразу закружилась голова, но… меня не вырвало. Кризис, похоже, прошел. А сколько же времени я валялся?

Вошел отец. Он был в форменных штанах, форменной рубахе. Галстук, который он расстегнул, болтался на груди, держась на заколке. Лицо бледное, руки по локоть обнажены, закатал длинные рукава рубахи. Почему-то вдруг подумалось: а почему он не в летней рубашке? Ну той, что с короткими рукавами?

Отец пошатнулся, едва не упал, и я шумно выдохнул, не веря своим глазам:

– Па-ап…

Получилось плохо – я каркнул, прохрипел, почти и не разберешь, что сказал. Но отец понял:

– Очнулся? Хорошо.

Он так же с видимым усилием взял стул, придвинул его к кровати и взгромоздился на него, тяжело дыша, задыхаясь, будто пробежал длинную, очень длинную дистанцию. Я всмотрелся в папины глаза – они были странными. Белки глаз желтые, как у больного гепатитом (мама врач! Я все медицинские энциклопедии перечитал!). Посмотрел на руки – пальцы дрожали, будто папа с

тяжелого похмелья. А я ведь знал – он не пьет! Так в чем дело? И… где мама?

– А мама где? Пап, мама где?

Отец смотрел на меня тяжелым, немигающим взглядом, и мне стало нехорошо. Очень нехорошо! Сердце застучало резко-резко, будто пытаясь вырваться из груди.

– В соседней комнате, сынок…

Голос отца был глухим и каким-то мертвым. И я решил переспросить:

– Она больна? Пап, а с тобой что? Вы заболели? Что, эпидемия какая-то? Сколько я тут уже лежу?

Отец помолчал, будто собираясь с силами, а потом… потом закашлялся. Он кашлял долго, мучительно, будто пытаясь выхаркать легкие, и, когда вытер рот ладонью, выдав последнюю дозу кашля, я с ужасом заметил, что ладонь стала красной! Кровь! У него – кровь!

– Сынок… – отец замолчал, и было видно, что говорить ему трудно, – ты у меня уже взрослый, настоящий мужчина. Ты должен держаться. Слышишь? Ты должен выжить! Несмотря ни на что – выжить! Как все получится, я не знаю. Но уверен: ты и такие, как ты, выживут. Я научил тебя всему, чему смог. Чему успел… Ты самостоятельный, умный, сильный. Ты сможешь выжить, я знаю…

Он снова замолк, и я тут же вклинился в монолог:

– Да пап! Ты что?! Да что случилось-то?!

– Мама умерла, сынок. – Отец посмотрел на меня мертвыми желтыми глазами, и я неверяще помотал головой:

– Нет! Нет! Не может быть! Я не верю! Нет!

– Сынок! – Отец повысил голос, и я внезапно услышал прежнего отца – жесткого, резкого, бескомпромиссного. Настоящего солдата!

– Сынок, слушай меня и не перебивай. Мне осталось немного, и я должен успеть тебя хоть немного проинструктировать. Помочь чем могу. Слушаешь? Успокоился?

– Слушаю! – всхлипнул я, утирая слезы. Я едва его слышал, мне будто вату натолкали в ушные проходы. Мама умерла! Ма-а-ама-а! Мама… мама… мама… а-а-а!

– Слушай. Ты помнишь те метеориты, что упали седьмого июня? Так вот, это был метеоритный поток, который падает на Землю каждый год уже сотни лет. Или тысячи – я не разбираюсь в этом. Но в этот раз метеориты принесли с собой какую-то гадость, распространившуюся по всему миру. Метеориты упали на всех континентах. На всех! Зацепило все страны. И люди начали умирать. Вначале тошнота, покраснение кожи, потом начинается разрушение внутренних органов: печени, легких, сердца. Кровотечение и… смерть. Но не все умерли. Умерли дети до десяти лет возрастом. Умирают взрослые – старше пятнадцати лет. Болезнь развивается с разной скоростью, в зависимости от иммунитета. Некоторые умирают за считаные часы, а некоторые живут несколько дней. Два. Три дня. Не перебивай! Я скоро… мне мало осталось, я ждал, когда ты очнешься, не мог уйти. Мама умерла вчера утром. Она заболела одной из первых – к ней везли больных детей. Лекарства не помогают. Никакие антибиотики не берут этот вирус – если это вирус. Как уже сказал, выживают только дети и подростки от десяти до пятнадцати лет. Но тоже не все.

Отец помолчал и вдруг грустно улыбнулся:

– Помнишь, я тебе когда-то читал сказку, она называлась «Праздник непослушания»? Ну, там еще родители оставили непослушных детей в городе и ушли. Вот теперь такой… праздник. И вы, непослушные дети, остаетесь одни. Вам жить, вам поднимать цивилизацию.

Замолчал, повесив голову и уперев взгляд в пол, а через минуту снова заговорил:

– Надеюсь, новая цивилизация будет лучше старой! Хотя очень в этом сомневаюсь. Уж слишком часто дети похожи на родителей. И ладно, если дети такие, как ты, – мы с мамой все-таки были совсем не плохими родителями, ведь правда же? Жили честно, людей не обижали, не воровали и не грабили. Жили,

как могли. Мама так вовсе святая… была.

У меня снова потекли слезы – мама! Ма-ама-а! А отец продолжал:

– Я-то в своей жизни много чего повидал! Кровь, смерть, подлость… Эх, жалко, не успел с тобой поговорить как мужчина с мужчиной! Все ждал, когда ты повзрослеешь, когда поймешь! Дурак был. Ты и так уже давно все понимаешь, и побольше многих взрослых. Может, сейчас успею хоть что-то сказать. Не плачь, сынок. Ты должен быть сильным! Забудь про слезы! Теперь ты не должен плакать. Никогда!

Пауза, секунд пять, и снова:

– В общем, так, сынок, о главном: в моем шкафу, на самом дне – книжка лежит, толстая такая. Она там такая одна – черная, с тиснением. «Капитал» этого самого Маркса, ни дна бы ему ни покрышки. В книге – пистолет. Это обычный пистолет Макарова. Он нигде не зарегистрирован. Я привез его с войны. Там же, в картонной коробке – патроны, две пачки и два запасных магазина. Возьми этот пистолет и ходи теперь с ним. Понял?

– «Капитал». Пистолет, – послушно повторил я. – Пап, а если кто остановит? Если увидят? В тюрьму ведь посадят! И зачем он мне?

– Сынок, некому останавливать. Из нашего отдела в живых остался один я. Здоровье у меня покрепче, чем у остальных, вот и дождался я, пока ты очнешься. Власти нет. Полиции нет. Никого нет, сынок! Зачем пистолет? Затем, чтобы ты остался жив. Я предполагаю, что образуются банды из подростков. Если в благополучное время они вытворяли такое, что в голове не укладывается: били, поджигали сверстников, убивали, насиловали, – представляешь, что будет теперь, когда не осталось никаких сдерживающих факторов? Будут банды, будут грабежи и насилие. Потом все устоится, подростки повзрослеют, создадутся поселения, но до тех пор крови прольется – море. И я хочу, чтобы ты выжил. Я очень хочу, чтобы ты выжил, сынок! Я тебя научил стрелять – пистолет ты знаешь, можешь и собрать, и разобрать. И автомат. Вот еще что – когда соберешься с силами, сходи в отдел. Там есть оружейная комната, ключи от нее у дежурного. Попробуй попасть в дежурку – скорее всего, она будет закрыта, но ты что-нибудь придумай. Я хотел сам взять оружие, но, пока за мамой ухаживал, боялся отойти, а потом… потом уже не смог. Не дойду. А уж принести что-то –

вообще речи нет. В оружейке автоматы, в основном укороты калибра пять сорок пять. Но есть и пулемет, ПКМ, с магазином, как у калаша, длинный такой магазин. Еще пистолеты Макарова. Тебе нужно будет забрать все, что сможешь. Оружие, бронежилеты, рации – все пригодится. Главное, чтобы они не попали в руки ко всяким там АУЕ. Эта мразь будет творить беспредел, и тебе придется поискать себе сторонников. Вооружить их, научить стрелять, если не умеют.

Вот еще что… ружья забери – там по три сотни патронов к каждому, все с картечью. На всякий случай держал… ну так, вдруг чего. Они уже давнишние – сравнительно, конечно, – но «протухнуть» не должны бы. Да, насчет пулемета! Это, считай, тот же калаш, ты с ним легко разберешься. Я тебя учил автомат разбирать и собирать, а стрелять из него уже приноровишься. Главное, длинными очередями не сади – перегреешь ствол, и кирдык. Короткие очереди, два-три патрона. К нему в оружейке должен быть запасной ствол, поищи. Не уверен, что он есть, но надеюсь, есть. Но как менять, не расскажу, надо показывать. Сам разберешься.

Ну что еще сказать… помнишь Мальчиша-Кибальчиша? Каравай в печи, вода в ключах, а голова на плечах! Не плачь, сынок, не надо!

Широкая ладонь легла мне на лоб, вытерла щеки, и я еще сильнее захлюпал носом – ну зачем я очнулся?! Зачем?! Чтобы остаться одному?!

– Дальше, слушай меня. На столе – ключи от нашей машины. Поедешь к отделу на ней. В нее же и загрузишь оружие. Еще – магазины свободны, открыты – грузись продуктами. Бери консервы, крупы, все, что не скоро портится и чем можно долго питаться. Пока электричество есть, но, думаю, скоро его не будет. Все те, кто работал на ГЭС, скорее всего, умерли. Из города уезжай подальше. Например, в Москву. Поясню, почему надо уехать: выше нас, в Балакове, – атомная станция. Когда она жахнет – а в конце концов все-таки жахнет, если ее не успеют заглушить, – Волга будет полностью отравлена радиацией, а вся вода, что мы пьем, – из Волги. Нужно уходить, тут скоро будет сплошной могильник. Почему в Москву? Потому что город огромный, запасы продуктов и вещей огромные – выжить будет легче. Много свободных домов, квартир. На зиму найдешь дом с печкой – проживешь. Повторюсь – найди себе соратников, один не выживешь. Ну, вроде и все. Жаль, что так вышло, сынок…

Отец крепко зажмурил глаза, затем снова посмотрел на меня:

– Я прожил хорошую жизнь. У меня была мама. У меня есть ты. И я ухожу без страха. Я воевал, я мог быть убит давным-давно, но бог мне дал вас с мамой. И я счастлив. Прощай, сынок. Еще увидимся. Только постарайся, чтобы это случилось как можно позже. Обещаешь?

– Обещаю, пап! – Я сглотнул слезы и попытался встать, но руки подломились, и я снова плюхнулся на кровать. Да что за черт! Ну почему такая слабость?!

– Это пройдет, сынок, – ободряюще кивнул отец, – первые часы у всех так. Потом нормализуется. Полежи, отдохни, скоро поднимешься. Я продуктов натаскал, сколько смог, они в кухне и в холодильнике. На лифте не езди – может отключиться энергия, и застрянешь наглухо. Ну, теперь все. Я к маме пошел. И это… сынок… если сумеешь нас похоронить, значит, сумеешь. А не сумеешь – и не надо. Оставь нас здесь. Нам уже будет все равно. Нас тут нет. Мы далеко. Но мы с тобой. Мы всегда будем с тобой!

Отец тяжело встал, пошатнулся, но удержался на ногах. Наклонился ко мне, опершись о спинку кровати, коснулся губами моего лба. Потом разогнулся и пошел прочь из комнаты, с трудом поднимая ноги, и было видно, как трудно ему идти. В соседней комнате скрипнула кровать, и все затихло. Совсем затихло! Не было слышно гула машин, не играла музыка, никто не кричал и не шумел на улице – мертвая тишина. И только холодильник в кухне вдруг включился и негромко загудел, забулькал охлаждающей жидкостью.

Я лежал еще полчаса, прислушиваясь к тому, что происходит в соседней комнате. Что ожидал услышать, не знаю. Может, стоны боли, хрипы? Или прощальные слова отца? Или его шаги? Но все было тихо. И тогда я снова сделал попытку подняться. Руки тряслись, меня прошиб пот, сердце заколотилось так, что думал, разорвется. Но, когда спала красная пелена, обнаружил себя сидящим на кровати и даже вполне соображающим. Теперь только подняться и…

Ну да, само собой, грохнулся на пол. Да так, что аж пол затрясся. Все-таки семьдесят пять килограммов, не хрен собачий, как говорил мой приятель по секции Митька Круглов.

Кстати, вот и первый мой соратник! Только бы добраться до него, он на Горе живет. На Соколовой горе. У нас ее для краткости все зовут просто Горой. Там

всегда нефтяники жили, но потом и много других понаехало – кавказцев, например. Даже целая община кавказская образовалась.

Митька рассказывал, что они, эти «черные», одно время стали на Горе мазу держать. Мол, мы крутые, все нам пох! Тогда все соколовогорские объединились и так заезжих отмудохали, что те сразу куда-то попрятались. Они всегда так – когда толпой, так сразу герои. А когда видят, что проигрывают, так и разбегаются. Только грозятся: «Я тебя парэжу! Я тебя ножом удару!» Они всегда с ножами ходят, да.

Подняться я не смог, так, на четвереньках, и пополз. Медленно, стараясь не свалиться и не удариться об углы. И дополз.

Папа и мама лежали рядом. Папа положил мамину голову себе на грудь, обнял за плечи. Так и умер. Он, наверное, умер сразу, как дошел и лег. У него всегда была железная воля, и папа не мог себе позволить умереть, не выполнив задачи. Его задачей было дать мне задание, а потом дойти к маме и умереть рядом с ней. И он дошел. Истекая кровью, хрипя истерзанными мерзкими бактериями легкими.

Я смотрел на спокойные лица моих родителей, стараясь запомнить их такими, какими они были сейчас – пока еще не тронутые тленом, будто заснувшие тяжелым больным сном.

Никогда. Никогда! Какое это страшное, ужасное слово! Никогда больше я их не увижу живыми, не поговорю, не посмеюсь с папой, не уткнусь в мамины пахнущие ромашковым шампунем волосы. НИКОГДА! Теперь я один. И я должен сделать то, что обещал отцу! Я должен выжить! Во что бы то ни стало выжить!

Но я не ушел сразу. Дополз до постели и потрогал мамину шею. Она была холодной как лед – в комнате на всю мощь работал кондиционер. На шее мамы не билась жилка. Мертва.

Тогда я потрогал папину сонную артерию, затаенно, с болью в глубине души ожидая – он просто потерял сознание! Он еще откроет глаза, поговорит!

Нет. Кожа теплая, но жилка не бьется. Сердце остановилось. Он ушел.

И тогда я пополз к ванной комнате. Нужно было помыться, пока есть вода. Полежать в горячей ванне, чтобы разошлись мышцы. Ну а потом уже и займусь выживанием. Так, как завещал отец.

Слез не было. Все, я отплакал свое. Теперь я единственный мужчина в нашей семье. И плакать мне нельзя.

Глава 2

12 июня, день. Настя Самойлова

Настя очнулась от запаха. Пахло… ну просто отвратительно – как… как… непонятно где. На помойке? Ну… вроде на помойке совсем не так пахнет. Там все больше объедками, чем-то протухшим. А тут… сладкий такой запах и очень-очень знакомый!

Вспомнила! Так пахла дохлятина. Однажды Настя ехала вместе с мамой за город, куда-то в гости – сейчас уже не помнит, куда именно в гости, – мама сидела за рулем, Настя на заднем сиденье. И вот приспичило Насте по маленькому! Она стала канючить, мать бесилась – останавливаться на загородной дороге? Неужто потерпеть нельзя?

Настя терпеть не могла, и потому мамочке пришлось остановиться и потребовать, чтобы Настя сделала ЭТО прямо на обочине, под прикрытием открытой дверцы джипа. Само собой, Настя тут же закусила удила и отказалась писать под взглядами проезжающих по дороге водителей! Что она, совсем маленькая, что ли?! Ей почти семь лет уже! Мамочка орала, топала ногами, а потом сказала, чтобы Настя шла вон туда, в кусты при дороге, в которых точно гадили целые поколения автоводителей. И что она желает Насте вляпаться в кучу дерьма, а лучше – чтобы дочь плюхнулась в него прямо тупой мордой! И что от нее, Насти, у нее одни проблемы, и дура она была, что не оставила Настю у бабушки. Потому что с таким неуправляемым ребенком может справиться только такое бесхребетное существо, как бабушка! А еще в кустах живут змеи, и они обязательно Настю покусают!

Настя так и не поняла, почему это бабушка бесхребетная, если тут же заявлено противоположное, что она может справиться с внучкой (Настя знала, что такое «бесхребетность». Мама часто пользовалась этим выражением в отношении своих мужчин). Ну а мантру о том, что Настя суть камень на дороге личного счастья мамочки, слышала уже не один раз, и даже не двадцать. Все сто, точно! Потому закусила губенку и решительно отправилась в кусты, очень надеясь, что там ее укусит змея. Настя умрет в мучениях, и уж тогда мамочка пожалеет, что так ее не любила!

Сейчас Настя иногда думает, что, возможно, мамочка была бы в глубине души даже благодарна этой змее, избавившей от такой вот ходячей проблемы шести с половиной лет от роду. Поплакала бы да и успокоилась. Зато личное счастье! Хотя, скорее всего, Настя ошибается. Мало ли чего ляпнешь в сердцах!

Когда Настя осторожно пересекла придорожную канаву, каждую секунду ожидая подвергнуться нападению Нагайны, она почувствовала этот запах – сладкий, противный, не похожий ни на что в мире. А потом увидела ЭТО.

Собака. Она висела на ветке здоровенной березы – белая, большая… Настя не знала, какая это порода, – просто собака, и всё. Какой-то мерзавец повесил ее в проволочной петле, и широко открытые глаза пса смотрели на мир с ужасом и удивлением: «Как? Почему? За что ты со мной ТАК?!»

Висела она давно и уже начала разлагаться. По трупу ползали белые черви, копошась в пасти, выползая из носа. И запах. Это был запах падали – ужасный, выворачивающий наизнанку.

Настя страшно завизжала, и через несколько секунд, будто чертик из коробочки, появилась мама, разъяренная, встрепанная, потерявшая по дороге одну из туфель. В руках она держала непонятно откуда взявшуюся бейсбольную биту, и лицо мамули выражало полную готовность разбить башку кому угодно – тому, кто покусился на ЕЕ дочь. Все, что принадлежит маме, неприкосновенно. И только она может ЭТО терять, рвать, разбивать или шлепать по заднице. Больше – никто!

Настя была выругана, притом матерно (мамочка никогда не скупилась на выражения), потом обласкана и уведена подальше от несчастной собаки, в другие, совсем не страшные кусты.

А потом они уселись в машину и поехали дальше. Мама была непривычно спокойна, отрешена и только иногда искоса поглядывала на Настю, будто проверяла, на месте та или нет. Настю тогда, честно сказать, удивило, с какой скоростью и яростью мама бросилась на ее защиту, не зная, кто обидел ее дочку и сколько обидчиков спряталось в кустах. Инстинкт, наверное. Какая бы она ни была мать, все-таки мать. Львицы за своего ребенка порвут! Но при том при всем вполне могут его и сожрать.

Тот же самый запах. Не очень сильный, но… противный. Очень противный!

Настя попыталась сесть… получилось со второго раза. В первый раз она просто свалилась на подушку, задыхаясь от бессилия и не видя ничего вокруг. В глазах – красно-черная пелена, будто кто-то закрыл их ладонями.

Но все-таки получилось. Спустила ноги с кровати, дождалась, когда красные круги перед глазами перестанут тошнотно вертеться, осмотрелась. Она дома. Ну… дома у бабушки, конечно. Не в подмосковном коттедже мамочки, подаренном то ли третьим, то ли пятым ухажером. И которого та благополучно послала подальше, когда на горизонте нарисовалась более выгодная партия.

Возле постели – табурет, на котором лежит белое полотенце, стоят какие-то темные пузырьки, и на одном из них Настя прочитала надпись «Асептолин». Как ни странно, она знала, что в таких пузырьках аптеки продают спирт – для протирания места укола и для разведения водой выпивохами. Нормальный такой этиловый медицинский спирт. Тридцать рублей пузырек.

Рядом с пузырьком – пакет со шприцами, коробки с ампулами, вата, ну и всякая такая хрень, которая нужна больному и не нужна здоровому (если не считать спирта). Вокруг – никого. Бабули нет.

И что бы это значило? Ее, Настю, не отвезли в больницу, бабушка не бегает вокруг, ощупывая лобик и ставя градусник. Как так?! Почему?! Странно и непривычно. А то, что непривычно, то и пугает. И запах! Этот запах!

Настя сумела встать и по стенке побрела в кухню. Ей ужасно хотелось пить. Ужасно! Ощущение такое, будто кто-то взял да и выжал ее, как половую тряпку. Досуха выжал!

Шаг, еще шаг, еще… почти на ощупь, благо что расположение комнат в квартире Настя прекрасно знала. А потом Настя грохнулась, споткнувшись о кучу тряпья, лежащую за углом. Ей так показалось – куча тряпья. При падении больно, со всего размаха ударилась головой о стену и, похоже, на некоторое время потеряла сознание.

Когда взгляд Насти сфокусировался и она начала видеть, первое, что возникло перед ее глазами – лицо бабули. Оно было странно-синим, а еще – землистым, глаза смотрели сквозь Настю, как если бы та была стеклянной.

А потом Настя увидела муху. Здоровую такую, зеленую, с блестящим брюшком. Муха вылезла из приоткрытого рта бабули и уселась на губе, деловито потирая лапки, вытягивая хоботок и поводя фасеточными глазами.

И тогда Настя закричала. Страшно, захлебываясь криком, хрипя и содрогаясь, как раненый зверь!

– А-а-а… ххх… А-а-а!

И потеряла сознание.

Следующее ее пробуждение было ужасным. Ей приснился сон, в котором все умерли. Все! Весь мир! Мама, бабушка, Арнольд. Они ходили по улицам – страшные, мертвые, черно-землистые зомби. Хорошо, что можно проснуться и ничего такого не будет! Сон – он на то и сон, чтобы проснуться!

Настя открыла глаза, и тут же взгляд ее уперся в бабушкино лицо. Мухи уже не было, а из уголка открытого рта мертвой бабули протянулась ниточка то ли слюны, то ли крови – темная такая и, наверное, липкая. На полу маленькая лужица этой жидкости, и от бабушки ужасно пахло. Падалью, как от повешенной собаки.

Настя всхлипнула, судорожно отползла от трупа, уперлась спиной в стену и так замерла, тяжело дыша и борясь с приступами тошноты.

Сидела минут десять, пока наконец-то не начала работать голова.

Итак, что делать? Налицо смерть бабушки. Она была старенькой, так что по большому счету ее смерть не так уж и странна, ведь ей было уже… сколько? Пятьдесят? Пятьдесят пять? Шестьдесят? Настя привыкла считать ее старушкой, а ведь бабуля была вполне крепкой, даже болела редко!

Так. Что делать? Звонить! Куда? Сто двенадцать! Пусть они решают! Бабуля умерла, кто-то должен позаботиться о ее мертвом теле! Потом позвонить мамочке, и… мамочка все решит. С ее-то энергией – да она всех тут на уши подымет! Раком поставит!

Настя с усилием поднялась, держась за стенку, и пошла назад, в свою комнату, стараясь не смотреть на бабулю и удивляясь своему поведению. Ведь она сейчас должна рыдать! Выть от горя! А внутри все сухо. Слез нет. И только глухая тоска, жжение, будто глубоко-глубоко горит огонек. Бабули нет. Совсем нет! Настя одна. И нужно быть сильной!

Медленно, враскоряку добралась до окна, распахнула его пошире, пустила уличный воздух, чтобы не чувствовать этого сладкого запаха тлена. Пусть проветрится квартира. Так же медленно добралась до своей комнаты, нашарила айфон. Набрала номер МЧС. Пошел гудок. Один, другой… десятый… двадцатый… все. Отключился. Еще раз набрала. Еще. Еще.

Нет. Не берут трубку! Тогда в «Скорую помощь». Набрала… гудки… гудки… гудки. Срыв!

Куда еще?! В полицию! Вот! Набрала. Гудок… гудок… гудок… срыв! Да что за хрень такая?! Что это?!

Набрала номер матери. И тут же зло фыркнула. Недоступна мамочка, черт подери! Надо искать помощь, идти к людям. В ЭТОМ идти?

Оглядела себя. Несвежие, пропитанные потом трусики, майка того же состояния. Отвратно! Смыть с себя пот и засохшую блевотину, одеться. Потом на улицу, искать помощь. К соседям надо идти.

Потащилась в ванную. Теперь это удалось сделать быстрее, даже за стены почти не цеплялась. Шаталась, конечно, но ничего, шустро дошкандыбала. Открыла воду, пощупала… черт! Горячей воды нет! Похоже, что отключили на лето.

Придется мыться холодной! Брр!

Стащила с себя белье и, повизгивая, стуча зубами, встала под струи ледяной воды. Тут же выскочила, схватила мыло, шампунь – пару минут мылилась, затем снова влезла под душ. Быстро смыла мыльную пену, ставшую буквально черной от грязи, схватила полотенце, висевшее на крючке, яростно растерлась, ощущая, как кровь наполняет застывшие мышцы и разогревает кожу. Вышла из ванной, аккуратно повесив полотенце на веревку. Стараясь не коситься на бабушку, пошла одеваться.

Проходя мимо зеркала, осмотрела себя с ног до головы и невольно удивилась: ожидала увидеть изможденную, худую, как анорексичка, девицу, но в зеркале вполне себе крепенькая, спортивная девушка без малейших признаков истощения. Ну так… может, чуть-чуть и похудела, но не настолько, чтобы это бросилось в глаза кому-то, кто с ней незнаком. Даже интереснее стала, сбросив пару-тройку килограммов.

Нормально! Как говорил слесарь-сантехник, который ремонтировал бабушке смеситель в ванной: «С пивом потянет».

Нашла трусики, шорты, майку, натянула на себя. Поморщилась – и почему это не взяла с собой шорты подлиннее? Идти звать людей на помощь в шортах, которые открывают половину задницы, как-то… стремно! Неправильно это.

Хм… м-да. Сейчас бы ей черный платочек, длинное платье в пол и старушечьи туфли – все-таки покойник в доме.

Но чего нет, того нет! Нашла кроссовки «Найк», автоматически, не думая, подошла к зеркалу, схватила массажную расческу-щетку, быстро расчесала мокрые волосы, не особо заботясь об укладке. Какая, к черту, укладка сейчас?!

Она решительно пошла к выходной двери. Остановилась, взяла ключи, повозилась, открывая задвижку, толкнула дверь наружу. Та распахнулась, приоткрывшись сантиметров на двадцать, и тут же замерла, упершись во что-то мягкое.

Настя нажала плечом – что за черт?! Мешки с мусором выставили, что ли?! Дверь не поддавалась, тогда Настя ее прикрыла и с силой, несколько раз, налегая

плечом, двинула вперед. Дверная щель чуть-чуть расширилась, еще сантиметров на десять, и Настя, шипя и ругаясь сквозь зубы, протиснулась на лестничную площадку. Чтобы обомлеть и схватиться за голову!

Это был мужчина. Крепкий, лет тридцати-сорока, плечистый, массивный. Он лежал на лестничной площадке ногами к двери, из-за которой вышла Настя, и головой к соседней квартире, куда, вероятно, он и хотел зайти. В руке – связка ключей, в другой – авоська, полная каких-то продуктов. Продукты частично раскатились по площадке, и сыр в полиэтилене, колбаса и упаковка на десять яиц лежали у самых ступеней, едва не скатившись по лестнице. Фактически мужчина блокировал две двери, упираясь в них, бабушкину и соседнюю.

Настя закрыла глаза, плотно, до боли сжав веки, подождала секунд десять, снова глаза открыла. Само собой, труп никуда не исчез. Он смотрел на Настю мертвым глазом, и Насте вдруг показалось, что труп… моргнул! Тогда она взвизгнула, громко, отчаянно, и побежала вниз по лестнице, будто пытаясь убежать от того ужаса, что сейчас, прямо сейчас произойдет! Зомби! Она видела в фильмах – такие трупы встают и потом идут есть людей! Этот… как его… ну, черный актер, забыла имя – он там остался один, во всем мире один. С собакой. Ездил и стрелял зомби. А еще какие-то исследования производил. Типа вакцину искал. И вот сейчас все до жути напоминает этот самый фильм!

И Настя побежала, взвизгивая от страха, колотя в двери квартир, мимо которых неслась! Мертвые двери! Никто не выходил, никто не откликался!

Она что, осталась одна?! Во всем мире?! Все умерли?! А-а-а!

Уже в самом низу, на первом этаже, усталая и запыхавшаяся, Настя опомнилась и кое-как взяла себя в руки, тяжело дыша и пытаясь собраться с мыслями. Как ни странно, этому помогла слабость. Настя так устала, так вымоталась после пробежки по лестнице, что рухнула на нижнюю ступеньку и замерла, прислонившись к стене. Раньше она никогда, ни под каким видом не уселась бы на заплеванную ступеньку общественной лестницы и не коснулась бы спиной грязной стены, рассадника микробов и болезней.

Минут пять сидела, пока кровь не перестала шуметь в ушах и усталые ноги не перестали мелко дрожать. Итак, надо представить худший вариант – она одна в целом мире, за дверью толпы голодных зомби, жаждущих ее плоти, и выхода

нет. Что ей тогда делать?

Что делать, что делать… помирать, ясное дело! Оружия у нее нет, да если бы и было, она им и пользоваться-то не умеет! Видела в кино, как стреляют, а что сделать, чтобы выстрелить, не знает. Был бы Интернет, посмотрела бы. Но и оружия-то нет! Ради чего смотреть?

Кстати! Интернет! Неужели нет Интернета! Вот где можно узнать, что делается в мире! Уж там точно расскажут!

Настя встала и побрела назад, на седьмой этаж. Ступенька за ступенькой, ступенька за ступенькой… отдыхая на каждой лестничной площадке, осматриваясь, прислушиваясь. Она и в окна выглядывала, но ничего так и не увидела. Кроме неба и дома напротив. Толп бегающих зомби не было, людей тоже не было. Висело на лоджиях сохнущее белье, по небу медленно плыли летние мохнатые облака – картина мирная, идиллическая, и, если бы не труп на лестничной площадке, Настя никогда бы не поверила в повальный мор.

А может, и нет никакого мора? Бабушка умерла от старости, сердце не выдержало! А мужик на площадке… ну… тоже сердце отказало! Бывает же так? Совпало! А она сразу зомбаков придумала, дура! Точно, дура-фантазерка!

Разумом Настя прекрасно осознавала, что случилась беда, что телефоны служб и мамин телефон не просто так отказываются ее соединять. Что двери в квартиры не открываются тоже не просто так. И здоровенный мужик на лестничной площадке, до которого никому нет дела, не просто так там лежит. Но… вдруг все-таки это не ТО, что она думает?

Когда добралась до квартиры, то, прежде чем подойти ближе, минут пять следила за покойником, стараясь увидеть: вдруг шевельнется? Зомби же вроде как не сразу оживают, через какое-то время! Подойдешь, а он тебя – хвать! Вырвет из ноги кусок, и тоже станешь зомби с синим, разлагающимся лицом. Нет уж! Лучше постоять, подождать!

Но нет. Как лежал, так и лежит. Лицо синее, глаз смотрит на Настю, другого не видно – лежит лицом вниз, голова чуть набок повернута. Настя бочком, по стенке подошла к своей двери, потянула за нее и… вдруг услышала стук! Будто кто-то бил кулаком по двери!

– Эй! Есть кто-нибудь?! Эй!

Голос был девчоночьим, срывающимся, визгливым. Девчонка явно истерила, и Настя неожиданно успокоилась: значит, не одна! Значит, еще кто-то есть живой! И этой живой хуже, чем ей, Насте! Ведь она хотя бы из квартиры выбралась, а та не может!

– Ты кто? – вполголоса спросила Настя, раздумывая, услышит девчонка или нет. Но та услышала, и тут же стук в дверь прекратился.

– Я Лена! Лена Самохина! Я тут живу! Меня папа оставил, запер, пошел в магазин за продуктами и не вернулся! Тут мама мертвая! А я одна!

– И что, ключей нет, что ли? – слегка сварливо спросила Настя, внезапно ощутив прилив сил. Есть кто-то, кому хуже, чем ей, точно! А она, Настя, должна быть сильной и будет такой!

– Нету! – плаксиво откликнулась девочка. – Мама куда-то дела! Я не нашла! У папы ключи! Без ключей не открыть!

– Папа твой как выглядит? – спросила Настя. – Высокий такой, плечистый, да? В рубашке в полоску?

Девчонка замолчала, потом неуверенно и со страхом ответила:

– Да-а… вы его видели?

– Вижу… – мрачно ответила Настя, разглядывая мертвеца. – А разве ты не видишь? В глазок?

– Не-а! Я в глазок ничего не вижу! А! Вот! Тебя вижу! Теперь тебя вижу!

Настя сообразила: наверное, через глазок невозможно разглядеть пол лестничной площадки, да и труп лежит чуть в стороне. Так. Что делать? Ключи брать из руки мертвеца и открывать девчонку, что же еще-то? Вот и живой человек, не одна теперь Настя будет!

Потянулась, уцепилась пальцами за вязанку ключей… есть! Брякнуло, мертвец отпустил свое «сокровище». Настя выдохнула – только сейчас заметила, что, пока тянулась к ключам, дыхание затаила, как перед прыжком в воду.

Подышала, успокаиваясь, заодно нашла нужный ключ – здоровенный такой, желтый, со сложными загогулинами. Похожий на тот, что был у Насти.

Вставила в замочную скважину и только потом сообразила: а как дверь-то откроет? Мертвец лежал головой у двери! Думала секунд пять, вернее, решалась, потом, содрогаясь в душе и стиснув зубы, схватила мертвеца за холодную руку и потянула к ступеням лестницы. Труп подался и проехал по площадке, оставляя за собой пыльный след.

Скажи кто-то Насте, что она будет вот так таскать по лестничной площадке чей-то труп, да еще и воспринимая это не как ужас и повод вытошнить содержимое желудка, – она бы рассмеялась в лицо идиоту! Она, домашняя девочка с айфоном, будет таскать трупы?! Не в Сирии ведь живет! Не на войне находится!

Всё. Дорога свободна. Теперь и в бабушкину квартиру можно спокойно войти, и девчонку вытащить. Подошла, обыденно, скучно повернула ключ, потом вставила второй, отодвинула дверные штыри, потянула дверь на себя.

За дверью стояла худенькая, стройная девчонка лет одиннадцати-двенадцати, одетая в простенький сарафан, чистенькая и ухоженная – обычная домашняя девчонка. Ее сине-голубые глаза смотрели испуганно, она растерянно теребила в руке пышную русую косу и кусала пухлые губки. Ее взгляд упал на лежащего за дверью мужчину, и лицо девочки скривилось, из глаз брызнули слезы – ручьем, стекая по щекам обильным водопадом.

– Па-апа! А-а-а… а-а-а… папа!

Она шагнула мимо застывшей Насти, подошла к мертвецу и бессильно опустилась рядом, раскачиваясь и постоянно, на одной заунывной ноте повторяя:

– Папа… а-а… а-а… папа…

У Насти ком подкатил к горлу. Ей тоже захотелось завыть, забыться в рыданиях, закричать: «Бабуленька! Бабуленька моя! А-а-а!» – но она сдержалась и только яростно засопела носом, мучительно проталкивая в глотку пыльный воздух, пахнущий тленом мертвечины. А потом рявкнула, заглушая боль, свою и чужую:

– Хватит! Я сказала: хватит ныть! Вставай! Пошли, расскажешь мне, что тут происходит!

Девчонка и правда замолчала, вытерла слезы и вдруг стала деловито собирать продукты, выпавшие из пакета. Сложила, не без натуги подняла тяжелый пакет и, хлюпая красным носом, предложила:

– Зайдешь?

– Зайду… – согласно кивнула Настя и пошла вслед за девчонкой. Ей теперь было немного легче. Теперь она не одна.

12 июня, день. Вадим Гладов, он же Глад

Паскудно! Ох как паскудно! Так паскудно было, когда они с пацанами купили водяры и нажрались в беседке детского сада. Их гонял сторож, они гоняли сторожа, потом кто-то вызвал полицию, и пришлось бежать, спотыкаясь и падая в грязь. Домой пришел грязным как свинья. Мать вопила, папаша вопил, пришлось послать их… Сбросил барахло, улегся спать и… ка-а-ак начался «вертолет»!

Всю ночь потом бегал «рычать на унитаз». А утром мамаша с папашей снова начали есть мозг: «Пьянь! Урод! И в кого уродился, тварь такая?!» Воскресенье было, оба дома, так что полный простор для нытья.

В кого уродился? Да в них и уродился! Что, папаша выпить не любит, что ли? Еще как любит! Только нажирается втихую, дома. Чтобы репутацию не испортить! Он же хороший! Он же пра-авильный!

Так и сейчас, как тогда было: вначале вырубился, потом пролежал какое-то время – в блевотине, похоже на то. Никто не позаботился тазик подставить, тряпкой оттереть. Дождешься от родичей, ага! Хорошо хоть не придушили! А

вот теперь очнулся. Слабый, как после долгого запоя.

Нет, он в запое никогда не был, но предполагал, что после запоя так хреново и должно быть. Вообще же презирал пьющих. Встречая пьяного на улице, Глад бил ему по морде и деньги забирал – двойное удовольствие!

Долго пытался встать, борясь с головокружением, но все-таки поднялся и побрел на кухню – попить. Да и пожрать было бы неплохо. Уже ведь не тошнит!

И первое, что увидел, – тела отца и матери. Отец лежал в прихожей – видать, как пришел, так и упал. В руках – сумка со жратвой и какими-то бутылками.

Мать на кухне, у плиты, табурет опрокинут. Похоже, что сидела, когда потеряла сознание.

В душе ничего не ворохнулось. Только мысль: «Крякнули, что ли? Надо посмотреть!» Посмотрел – синие оба. Конкретные жмуры!

И что делать? Звонить надо. Мусорам звонить, в «Скорую» звонить – пусть работают! Оформляют, увозят!

Вторая мысль: «Сука! Эдак в интернат запихают! В детдом».

В детдом Гладу категорически не хотелось. Паскудное заведение, много хренового про него слышал. Не надо ему в детдом!

Ну а что тогда делать? Хм… а если трупы куда-нибудь спрятать? И жить как хочет! А что? У родичей где-то должны быть бабки заныканы. Можно найти. Пока суд да дело – можно и погулять! Шлюх можно на хату вызвать! Бухла, жратвы вкусной купить! Пацанов позвать – гулеванить! Нет, пацанов – ну их! Пусть на свое гуляют.

Потом снова задумался: нельзя, некуда трупы прятать. Протухнут, вонь будет. Опять же, могут его обвинить. Мол, заглушил родаков и теперь вот развлекается. Конечно, там АУЕ, воровской закон и все такое прочее, но на зону ох как не хочется. Ну ее в задницу, эту романтику! Арестантский уклад – он хорош на воле. Это Глад знал точно. Чуял!

Надо звонить, точно. А там будь что будет. Выкрутится как-нибудь.

Жалости к родакам не было. Достали они его! И дома покоя нет! Ныли, ныли, ныли… вот и донылись. Теперь он один! Сам! Где-то родня – дядя, тетка… вот бы и они подохли! Идти в их семью… такие же твари, как и родаки.

Вот что – надо пацанов набрать. Узнать, что это за прикол такой – не так же просто его родаки взяли и кони двинули? Может, пацаны знают?

Пацаны знали. Серый откликнулся после второго гудка и тут же заявил: думали, что он, Глад, кони двинул. А вишь че – живой!

Серый тут же дал расклад, и Глад только хмыкал, не зная, как ему на все услышанное реагировать. Серый очнулся раньше, еще вчера, даже родичей успел застать живыми. Ну вот и знал о случившемся все, что можно было знать.

Потом они отключились, договорившись встретиться на пятаке у детсада «Ручеек» через час, и Глад полез в ванну – воняло от него, как из параши. Пацан должен быть чистым, отутюженным. На воле или на зоне – без разницы. Это закон!

Газовая колонка работала, так что горячая вода была. Вымылся, оделся в легкие спортивные штаны, майку с надписью «Фак ю!», надел барсетку (телефон надо ведь куда-то прятать?), подумал… и захватил с собой бейсбольную биту. А че? Мусоров нет! Власти нет! Гуляй, бродяги! Наша власть! Пацанская!

На пятак сошлись десять человек – все пацаны, кто был в кодле. Все были ошеломлены, кто-то расстроен. Но это и понятно – не все, как Глад, ненавидели весь мир и своих родителей конкретно. Вон Антон какую рожу сделал! Типа переживает! Дурак! Весь мир в кармане! Теперь только и жить!

– Ну что, братва… – степенно начал Глад, – этот мир сдох. Теперь он наш! Мы, сильные, смелые пацаны, настоящие жиганы, теперь можем в натуре жить, как хотели: по понятиям, по воровскому закону, без беспредела мусоров и властей. Можем брать что хотим, делать что хотим, и никто нам не указ. Наша кодла теперь будет называться «Бригада».

– А по ходу, ты Белый, да, Глад? – криво усмехнулся Антон. – Только с какого х… ты говоришь за всех? Ты че, бригадир? Авторитет? Ты кто вообще такой? Ушлепок маломерный! Петрович помер, и ты теперь вместо него мазу держишь? А кто тебя уполномочил? Ты че, в натуре, берега попутал? Тут и без тебя есть пацаны поавторитетнее тебя! И покрупнее, если че!

Глад похолодел. Он ожидал чего-то подобного, но не так быстро. Ему казалось, что, после того как он привел к Петровичу всех этих пацанов, его, Глада, авторитет стал выше во много крат. А оно вон как выходит! Хреново выходит, если честно! Ему прилюдно брошен вызов, и если он сейчас не решит этот вопрос – хана! Его задвинут, как это бывало раньше, и он опять будет на десятых ролях. Превратится в мелкого пакостника, шакала, каким до того и являлся. Кодлу надо держать! Эх, жалко ствола нет! Все было бы гораздо проще!

– Ты че-то попутал, Антоха… – миролюбиво ответил Глад, голова которого работала, как компьютер. У него всегда в опасных ситуациях голова работала очень хорошо, позволяя избежать наказания и отыскивая самые лучшие пути спасения. – Ты чего это начинаешь с наезда? Мы, пацаны, должны держаться друг друга. Нам нужно помогать пацанам! Собирать воровское благо, отыскивать таких же, как мы, жиганов, учить их воровскому закону. Ну а ты что? Сразу власть делить?

Глад говорил, говорил, говорил, как цыганка, которая заговаривает случайного прохожего, чтобы в оконцовке тот положил ей в карман все деньги, что у него были, и пошел дальше, домой, где только и обнаружит результат беседы с черноглазой гадалкой. Только уже будет поздно. Ни гадалки, ни денег.

Говоря, Глад продвигался к противнику маленькими шажками, держа за спиной небольшую удобную бейсбольную биту.

Когда оказался на шаг от Антона, выразительно посмотрел куда-то в даль, сделав многозначительную паузу. Все автоматически посмотрели туда, куда смотрел Глад, в том числе и Антон.

И тогда Глад ударил. Сильно, вкладывая в удар всю злость, что у него накопилась на этот мир, на людей, на Антоху, посмевшего ему противоречить. Бил не для того, чтобы проучить зарвавшегося пацака. Бил, чтобы убить.

Череп Антохи хрустнул, вогнувшись в мозг прямо над ухом. Левый глаз выскочил из орбиты, вытаращившись в пространство, как в дурацком голливудском мульте. Из носа, из ушей брызнула кровь, и Антоха стал медленно заваливаться назад и вбок. Когда он упал под ноги ошеломленных парней, Глад подскочил к нему вплотную и стал остервенело бить по голове, превращая ее в месиво из костей, крови и чего-то желтовато-серого, склизкого, разбрызгивающегося по сторонам, как грязь осенней порой из-под колес машин.

Кусочек этого желто-красного попал на щеку одного из парнишек, тощего Микиты, Санька Микишева, и он со страхом и брезгливостью сбросил его на землю, отойдя назад и с ужасом глядя на Глада, прыгающего на груди изувеченного Антохи.

– Все! – Глад тяжело дышал, криво усмехался, перебрасывая из руки в руку испачканную кровью биту. – Еще кто-то есть? Кто-то против того, что я бригадир? Кому-то не нравится пацанский уклад? Вы сразу скажите! Не тяните!

Все молчали и только смотрели на ноги Антохи, которые еще слегка подергивались. Глад усмехнулся – живучая, тварь! И башки нет, а он еще дергается!

– Да че там… ты – наш вождь! – неуверенно протянул Серый. – Ты нас привел в АУЕ, ты хранишь Закон. Тебе и рулить. Я лично не против. Да и пацаны не против. Прально, пацаны?

– Прально! Правильно! – заболботали пацаны, пряча глаза от Глада. И он усмехнулся:

– Ну, отлично! Тогда вот что: сейчас идем смотреть, чего можно прихватить на Горе! Теперь все наше! Машины – наши! Магазины – наши! Девки – тоже наши! Гы-ы… поняли, пацаны?! ВСЕ наше! Айда! За мной!

И они пошли, радостные, возбужденные. Впереди новый, красивый мир!

Антоха? Да хрен с ним, с Антохой. Он всегда был себе на уме… говнюк! А вот Глад – фартовый пацан. С ним не пропадешь! И главное, он знает, что делать. А теперь, когда некому говорить, что делать и как жить, такие люди в цене. Ведь кто-то же должен говорить, как жить? А как иначе? Всегда кто-то командует и

кто-то подчиняется. Такая селяви!

12 июня, вечер. 13 июня, день. Андрей Комаров

Я накрыл папу и маму покрывалом. Не знаю, как все это правильно следует делать (поминать, хоронить), какие обряды совершать, какие молитвы читать. Да и нерелигиозный я. Честно сказать, никогда не задумывался над такими понятиями, как бог, религия и все такое прочее. Бабушка пыталась мне что-то по этому поводу говорить, пенять на то, что крестик не ношу и все такое прочее, но дед ее остановил: «Не лезь к парню. Созреет – сам поймет. А не поймет… не в вере дело. Знаю таких верующих, что на них клеймо ставить негде. И знаю неверующих, которым с легким сердцем доверил бы свою жизнь. Сам должен к этому прийти». На том мое религиозное образование и закончилось. О чем теперь и жалею. Мне показалось ПРАВИЛЬНЫМ прочесть над моими родителями молитву – любую. Самую простую. Но я ее не знал. И от этого мне стало горько.

К вечеру я уже вполне спокойно передвигался по квартире, и мне очень хотелось есть. Очень. Да это и понятно: пролежать несколько дней в отключке, да еще и с высокой температурой – небось, весь подкожный жир испарился. У меня его и так было немного – постоянные тренировки, пробежки, скакалка, да и рос я так интенсивно, что все вокруг удивлялись – мол, и куда молодая поросль тянется?!

Есть, когда в соседней комнате лежат твои мертвые родители, как-то странно и стремно, но, во-первых, есть очень хотелось, во-вторых, я обещал папе выжить. Я последний в нашем роду и должен его продлить. Иначе нельзя. Я должен!

Хорошо, что электричество еще есть и газ тоже есть. Когда они отключатся, я не знаю. Когда-нибудь отключатся. Системы электро- и газоснабжения не вечны, за ними нужно следить. Жахнет газопровод – вот и конец отоплению. И скорее всего, это произойдет к зиме. Или зимой. Вся пакость обычно происходит зимой. Хм… кроме смертельной эпидемии вируса. Наверное.

Холодильник был забит продуктами: отец успел позаботиться и об этом. В морозилке – мясо, мясные полуфабрикаты, на полках сыр, молоко, овощи, масло, все, что нужно для нормального питания. Рядом с холодильником – ящик тушенки, ящик сгущенки, мешок с крупами – рис, пшенка, овсянка. Мешок картошки в углу. Успел папа запастись.

Начистил картошки, помыл под краном (вода тоже пока есть), задумался – воды надо набрать. И тут же вспомнил: в большой комнате – несколько здоровенных бутылей с водой. Папа! И это продумал!

Картошку сварил целиком, бухнув в нее банку гостовской тушенки. Подсолил, бросил лаврушку – пойдет! Папа меня учил готовить, сам он очень недурно готовил – говорил, жизнь заставила научиться. И еще говорил, мужчина должен уметь все: и дичь добыть, и башку врагу прострелить, и плов узбекский приготовить. На то он и мужчина, чтобы уметь! Единственное, чего мужчина никогда не сможет, – это родить. Тут уже все права у женщин! Хотя и тут без мужчины никак не обойтись.

Мама ругалась – солдафонский юмор! Чему, мол, сына учишь?! Но смеялась. Они вообще хорошо понимали юмор, мои родители. Как начнут смеяться, ну не удержаться, сам хохочешь, даже если и не понял, чему они смеются.

Поел, попил чаю с джемом – тоже из папиных запасов. И пошел спать. Вечер, что можно делать ночью?

Прежде чем улечься спать, попробовал влезть в Интернет. Увы, не получилось. Похоже, что станции отключили, или они просто сломались. На телефоне тоже ничего разглядеть не смог – связи нет. Уже вырубилась? Это плохо. А хотя… куда мне звонить? И зачем? Вот если были бы рации, и… и что? Опять же, с кем связываться? Хотя… как я мог забыть? С тем же Митькой Кругловым! Как теперь с ним состыковаться? Если только поехать на Гору. Тут недалеко, четыре километра, час ходьбы. На «Гранте» – пять минут езды.

Утром. Все – утром!

Ох, черт, забыл! Что там папа сказал насчет пистолета? А я как-то и… дурак! Я дурак! Надо менять систему мыслей. Теперь я живу в постапокалиптическом мире, эдакий Фоллаут. И мне нужно опасаться. Кого опасаться? А вот того же Вадика. Он ведь меня ненавидит. А теперь, когда власти нет, закона нет – у него руки развязаны.

О-о-о… теперь его время! Время беспредельщиков! Папа правильно мне сказал – надо вооружаться.

Пошел к шкафу, пошарил… есть! Вот она – «Капитал»! Да, папа шутник! Что может быть капиталом для военного? Во что он вложится? В оружие, конечно. И теперь этот «капитал» дороже всяких денег. Деньги – мусор, их есть не будешь, из них не выстрелишь. А вот пистолет…

Раскрыл, секунд пять смотрел, затем аккуратно достал из вырезанного в страницах ложа мирно спящий там пистолет. Тяжелый, черный, с красивыми красно-коричневыми пластиковыми щечками рукояти. В центре щечек – звезды.

Почему-то удивился – не такой уж и большой он, этот пистолет. Или я вырос? Когда мы с папой ходили в тир и он учил меня стрелять, мне казалось, пистолет тяжелый, огромный, как киношный большевистский маузер. Наверное, я вырос – теперь пистолет лег в мою руку легко и приятно, рукоять сделана будто специально для меня.

Выщелкнул магазин – как ни странно, он был полон. То ли всегда был полон, то ли папа успел его набить в связи с событиями. В патроннике патрона не было.

Пошарил еще – нашел картонную коробку с патронами и запасными магазинами. Три магазина и две коробки с патронами. Пересчитал – в каждой шестнадцать штук. Итого тридцать два, и в магазине восемь – всего сорок штук. Хватит пострелять, если что. Да, против автомата не катит, но если докопается шпана вроде Вадика… милое дело!

Задумался. Смогу ли выстрелить в человека? Думал недолго… Смогу. После того как я щупал шеи моих родителей, после того как накрыл их простыней, поцеловав в лоб, смогу. Я смогу!

Особенно в такого, как Вадик. Он заслуживает смерти, мразь! Я про него наслушался… Думал, врут, но он сам мне сознался. Вернее, похвастался. Мол, знать мало, пусть еще докажут! Даже вспоминать не хочется! А я ведь с ним почти дружил, идиот! Он даже дома у нас бывал, маме понравился – вежливый, культурный. И только папа потом сказал: «Нехорошие у него глаза. Твое дело, сынок, но парень этот нехороший. Осторожнее с ним!»

И папа, как всегда, оказался прав. Вадик вдруг решил поделиться радостным впечатлением, после того как расстрелял собаку, привязанную на цепь, из поджига, а когда та, израненная, спряталась в конуру, сжег живьем. И

рассказывал это, едва не пуская слюни, с радостно восторженным лицом идиота.

И я ему дал в морду. От души, так, что аж кожу на кулаке распорол до кости! Потом долго заживало – яд с зубов Вадика попал в раны. Но и ему досталось хорошо. Зуб я ему выбил. И нос хорошенько поправил.

Скандал был – ой-ой! Вадиковы родители прибежали в школу! Подняли шум до небес! Папу моего вызвали к директору! Долго ели ему мозг, попугивая всяческими карами вроде отчисления сына и отправки его в спецшколу, где он будет отбывать срок вместе с такими же убийцами и негодяями.

Папа быстро поставил их на место. Во-первых, сказал, чтобы они придержали язык. Его сын не убийца. А если они посмеют еще хоть слово сказать в таком тоне, он будет очень рассержен и устроит им проверку на предмет того, как воспитывают учеников в этой школе.

Тут надо знать – все школы ужасно боятся всяческих проверок и совершенно не хотят выносить сор из избы. Им тоже будет несладко, и они прекрасно это понимают (это я подслушал разговор между папой и мамой). Всегда есть и финансовые нарушения, и люди, которых обидело руководство школы. При умелом прессинге директору и завучу небо с овчинку покажется.

А потом он рассказал, за что я дал Вадику в рожу. И припомнил еще несколько событий, участником которых был Вадик. Папа все-таки мент, и не из последних, и раскопал все, что мог. Благо что корпоративную помощь еще никто не отменял. И выяснилась такая неприглядная картина, что родители Вадика сочли за лучшее быстренько свалить из этой школы и даже переехать на Гору из Юбилейного. Чтобы не попасть под горячую руку тех, кому папа обещал озвучить, кто царапает машины, кто гадит на коврики, кто убивает собак и кошек. Тут ведь какое дело – мой папа всегда говорит… говорил, что, если некто задастся целью найти убийцу, вора или хулигана, он обязательно найдет. Только должна быть правильная мотивация. Дельная мотивация. Всегда есть зацепка. Всегда! И всегда можно раскрутить дело. В данном конкретном случае – можно поговорить с детьми, поднять сводки происшествий, сопоставить кое-что и пообещать дать делу ход.

После того как я сообщил отцу, что его вызывают в школу, и рассказал, по какой причине, он ничуть не удивился и только спокойно попросил объяснить, за что я

избил Вадика. И когда я рассказал, он кивнул и мрачно выдал: «Таких надо убивать. Жаль, времена не те». И всё.

А на следующий день (я этого не знал) он оставил все дела и развернул бурную деятельность. По моим прикидкам, на него работали тогда не меньше двадцати человек – ходили, узнавали, расспрашивали, выясняли, брали объяснения. Опера, инспектора ИДН, участковые. Все уважали моего отца и знали, что он услуги не забудет. Вот и результат. Вадик с родичами свалил, а школьная власть сидела тихо-тихо, меня не обижала. И вообще не замечала. Я невидимка! Неприкосновенный невидимка!

А после посещения «любимой» школы он мне сказал: «На будущее – если бьешь негодяя, то, если есть такая возможность, делай это в укромном месте, а не на глазах сотни учеников. А если прихватят, молчи и ничего не говори, даже если тебя станут уговаривать, мол, сознайся, повинись, и ничего тебе не будет. Будет. А ты не будь дураком. Не пойман – не вор!»

Кто-то скажет, что это его поучение очень сомнительно, что надо быть честным и грудью встречать неотвратимое наказание и уметь принять заслуженную кару. Ну… мало ли кто чего ляпнет! Все это благоглупости и чушь. Мой папа реалист и учил меня выживать. А в нашем мире можно выжить только так. Правда должна быть не только с кулаками, а еще и должна суметь соврать, если ее прихватили за наказание Зла.

Коряво? Но понятно. Надо жить реальностью, а не придуманными героями из фантастических книжек. А реальность именно такова: «Ничего не бойся, ничего не проси, никому не верь».

А еще папа сказал маме, которая слегка истерично начала говорить, что напрасно папа отдал меня в боксеры – я невоздержанный, а теперь еще и опасный для окружающих: «Я доволен своим сыном. Он справедливый, добрый и не даст в обиду слабых. Он не издевается над животными, не будет издеваться и над людьми. И если он дал в морду подлецу, значит, так было надо. И замолчи сию минуту! Я делаю из сына настоящего мужчину и вижу, что у меня это получается. Вопрос закрыт». И мама правда замолчала. Дулась дня два, косилась на нас, как цирковая лошадь (папино выражение!), а потом все пошло как обычно. Тем более что вся история завершилась как надо и даже лучше, чем предполагалось.

Ночь я спал не то чтобы беспокойно… даже не знаю, как это назвать. Как можно быть спокойным, когда за стеной у тебя лежат мертвые родители, а весь мир провалился в ад?! Это даже не сон, а какое-то забытье. Ну как двигатель, который не может работать вечно, не тратит бензин, если автомашине не нужно никуда ехать. Просто повернул ключ, и… заглох. Забылся.

Никаких снов не снилось, и слава богу. Только уже когда просыпался, ощущение было таким, как если бы я не спал, а вот как раз сейчас вынужден погрузиться в кошмар.

Нет, я этого не передам словами. Мозг не хотел просыпаться. Хотелось лежать с закрытыми глазами, пока весь этот кошмар, творящийся вокруг, совсем уже не исчезнет. Дурной сон, в котором я один и нет ни одного родного человека на всем белом свете.

Начал я с завтрака, хотя и не хотел есть. Кто знает, что там, впереди? Где окажусь? И лучше быть сытым, чем… голодным и больным. Поел и стал собираться в гараж.

Наша «Гранта» стоит в гараже, так что придется идти минут пятнадцать. Вообще-то гараж в Юбилейном – это почти половина стоимости квартиры. Дорогая штука! Не у всех есть! И мало у кого гараж недалеко от дома, чтобы всего пятнадцать минут шагать. Большинство ставят машины возле подъездов или на далеких автомобильных стоянках, да и там места особенно-то и нет. Машин много, парковок мало – дома строили так, чтобы… хм… отец всегда ругался: «Идиоты, что ли?! Ну почему надо строить вот так?! Наставили башен, а парковок нет! Стоянок нет! И что получается?! Люди бьют друг другу морды из-за парковок! Ставят машины у дома – воры сливают бензин, вскрывают машины, снимают колеса! А мне потом расследуй, кто это там помародерствовал?! Зачем мне это надо?! Идиоты, а не архитекторы!»

Гараж он купил по случаю, у какого-то дедка, успевшего нахапать их сразу четыре или пять. Купил по тем временам дорого, но был очень доволен – сейчас такой гараж стоит раза в три дороже, а то и в четыре. Да и не продает никто. Дефицит! Там у нас и всякие инструменты, и вещи, которые дома хранить стремно. И… лопаты. Вот за лопатой я туда сейчас и шел. И за машиной. Пока я не знал, где буду хоронить родителей, и не знал, как положу их в машину. Но знал, что мне придется это сделать. Я их так не оставлю. Ни за что.

Уже от дверей вернулся – пистолет! Пистолет забыл! Обещал папе всегда с ним ходить, а теперь забыл. Вот бы для него еще и кобуру найти… наплечную. Оперативную. Должна ведь где-то быть кобура, точно. В охотничьих магазинах? Точно, в охотничьих. Когда с отцом ходил патроны покупать, видел там кучу травматов и к ним кобуры скрытого ношения. И не скрытого. Сейчас же пришлось совать, как в киношках-боевиках – за ремень сзади, и все время казалось, что сейчас пистолет стрельнет, и прямо в задницу, в анус. Я сдвинул пистолет на ягодицу и теперь думал о том, как пуля оторвет мне ползадницы.

Ходить с пистолетом в открытую не решился, надел поверх майки смесовый жилет, купленный мамой в спортивном магазине, фирмы «Коламбия». Он мне ужасно нравился – и легкий, и красивый. Хотя и дорогой (мама ругалась, но купила). Жилет прикрыл рукоять пистолета, торчащую из-за пояса.

Когда вышел на лестничную площадку, автоматически запер дверь на ключ. Хотя чего там было запирать? Чего бояться? От кого прятаться? Если девяносто процентов людей в мире просто умерли. Больше девяноста процентов – никто точно не знает, сколько именно. Ведь оно как в наше время было – в каждой семье самое большее два ребенка. И какой шанс того, что они будут от десяти до пятнадцати лет возрастом? А если и вообще один ребенок? Вот и получается, выжили в лучшем случае один из десяти, а то и один из двадцати. Скорее всего, последнее. Я соображаю неплохо, считаю тоже неплохо. Было вчера и сегодня время подумать…

На лестничной площадке трупов не увидел, на лестнице и ниже тоже. Хотя почему-то ожидал, что все будет просто завалено трупами. Но скорее всего, люди умерли у себя дома. Ведь первая реакция родителей на больного ребенка какая? Броситься к нему и начинать лечить. И вызывать врачей. А когда врачей нет, сидеть возле ребенка, пока он не очнется или пока не умрешь. Как мой папа. И как мама. По фигу все – весь мир пусть рухнет, но мой сын (дочь) будет жить! Скорее всего, не все так просто, но… что-то мне не верится в самоотречение людей, которые бросят своих близких и кинутся спасать мир. Когда знают, что мир уже не спасти.

А вот на улице я ИХ увидел сразу.

Мужчина в трениках, почему-то по пояс голый – в руке здоровенная сумка, из которой торчат бутылки с яркими пробками и наклейками. Не знаю, что за бутылки, вернее, что в них за спиртное такое. Но то, что это спиртное – точно. На

толстой физиономии мужика – счастливая улыбка, и мне вдруг ни с того ни с сего становится смешно, и я невольно фыркаю – хоть этот умер счастливым. Нажрался и умер на груде бутылок водки. Как крыса из мультика – на куске сыра. «Сы-ы-ыр!»

А дальше… дальше я сглотнул и на секунду прикрыл глаза. Сердце кольнуло и затрепыхалось от запредельного ужаса. Молодая, хорошо одетая, ухоженная женщина, она до сих пор сжимала в руках сверток с младенцем. Рядом лежит девчонка лет пяти, в розовых бантиках, в смешном платьице, на котором изображены танцующие бегемотики.

Женщина садилась в машину, в какую-то серебристую иномарку, когда у нее остановилось сердце. Девчонка, видимо, жила чуть дольше, потому что она стояла на коленях, положив голову на колени матери. Та сидела у открытой двери машины, вцепившись рукой в дверную ручку, левой намертво прижав к себе кулек с мертвым ребенком.

Сидели они тут, похоже, довольно-таки давно, потому что над ними клубились мерзкие зеленые мухи, ползая по глазницам, заползая в нос и в уши, а лица мертвецов уже начали меняться, став сизыми, раздутыми, будто сумасшедший врач наколол их ядовитым ботоксом.

Я прибавил шаг и прошел мимо, стараясь не вдыхать сладкий запах тлена. Лето! Жара! Да что же это будет дня через три, через неделю?! У меня просто мороз по коже!

Трупы попадались через пятьдесят-сто метров: дети, женщины, мужчины. Они куда-то, похоже на то, пытались уехать – одни лежали на улице, другие сидели и лежали в автомобилях. Глупо, конечно, решить, что от смерти можно уехать, когда вокруг всех косит, как косой. Но люди делали что могли – они хотя бы попытались убежать, увезти детей, выжить!

Уже когда прошел мимо заправки «ЛУКОЙЛ» и собрался повернуть к рядам гаражей, стоявших возле дороги на Солнечный, вдруг заметил то, что привлекло мое внимание настолько, что я остановился и замер, не в силах сдвинуться. Джип! Здоровенный джипяра! Только не из тех начищенных джипов, на которых катаются гламурные красотки и толстые, рыхлые мажоры – это был настоящий рабочий внедорожник, «ТЛС-80», на огромных колесах, которые месят грязь и

рвут газоны с травой, со стальными бамперами и «люстрой» на крыше.

Я всегда хотел такой джип и думал: вот вырасту, заработаю денег и куплю! И буду путешествовать по стране куда хочу! И с кем хочу! А лучше всего с отцом. Классно было бы поехать с ним в Монголию и пожить в дикой природе – в палатках, где-нибудь у озера и чтобы вокруг ни одной живой души!

«Бойтесь своих желаний – они могут сбыться!» – вспомнилось мне, и я едва не вздрогнул. Так и вышло. Дьявольски вышло. Вот джип, за спиной, дома ждет отец. Мертвый. И мы с ним поедем путешествовать… еще не знаю куда. Туда, где можно выкопать могилу, туда, куда я потом смогу вернуться. Когда-нибудь.

Я подошел к джипу, посмотрел внутрь. За рулем сидел седой мужчина, вернее – лежал на руле, взявшись за него обеими руками. Он был один, а сзади, на заднем сиденье и в огромном багажнике – коробки, мешки, сумки. Может, ехал домой, вез семье продукты, а может, хотел усадить их и уехать куда глаза глядят из мертвого города.

Не удалось. Джип своим стальным бампером смял брошенную на заправке красную легковушку, похожую на жука, протащил ее до столба, поддерживающего козырек заправки, и так и остался стоять, заглохнув, видимо, не сразу. Под колесами остались черные следы – колеса, толкаемые мощным движком, еще какое-то время проворачивались, норовя сдвинуть и легковушку, и проклятый столб, остановивший движение джипа. Но потом машина все-таки заглохла и осталась стоять, храня в себе своего мертвого хозяина. И случилось это, похоже, совсем недавно – не было такого резкого запаха падали, как возле женщины с детьми. Я стоял возле открытого окна джипа, и этот незабываемый запах почувствовал бы сразу.

Собравшись с духом, открыл дверцу джипа и, взявшись за рукав мертвеца, потянул тело к себе. Мужчина с глухим стуком вывалился наружу, к моим ногам, и я потащил его дальше, вдоль припертой к столбу легковушки. Прости, мужик, но твоя машина мне нужнее! Гораздо нужнее! А тебе уже все равно. Прости…

Сел за руль, потянулся, чтобы повернуть ключ в замке зажигания и… выругался. Ключ-то повернут! Вот же я ступил! Машина ехала, потом врезалась, потом буксовала и заглохла. Ее противотуманки, то есть ходовые огни, были включены. Что будет при этом с аккумулятором? То-то и оно…

Со вздохом вылез из джипа. Нужна мне эта машина! Нужна! Кстати, рукоятка переключения скоростей у нее такая же, как у обычной механической коробки передач (интересовался, да, знаю!). То есть «механика». А значит, скорее всего, это дизельная машина. И с вероятностью пятьдесят на пятьдесят, это не «ТЛС-80», а «ТЛС-105». Разницы большой нет – комфорта только побольше. Кожаные сиденья, например. Они у сто пятых как раз и были.

Да ладно, сейчас не до того. Сейчас – в гараж! А там уже и посмотрим, что можно сделать с этой машиной. Нужна она мне!

Наша «Гранта», как и положено хорошей машинке, тихо стояла в гараже, поблескивая намытыми фарами. Отец не терпел грязи и машину ставил в гараж намытую, вычищенную, если было время, конечно. Терпеть не могу мыть машину, хотя иногда и приходится. Ага, попробуй возрази ему! Так глянет… сразу захочешь вымыть!

Я завел машину – с полпинка завелась, а пока она прогревалась, пошел по гаражу искать то, что мне было нужно. Загрузил полный багажник: лопаты, пустые канистры, мешки, два спальных мешка, палатку, бензопилу, ну и еще кучу всяких нужных вещей. Долго разыскивал провода для «прикуривания». Пока искал, весь перепачкался в пыли и три раза едва не выронил на пол пистолет. Нет, я все-таки найду для него кобуру! К черту это ношение оружия на заднице!

Когда наконец-то сел за руль, с минуту вытирал пот и пил из лежавшей за спинкой бутылки минералки с выдохнувшейся, совсем без газа водой. Запалился – аж пар от меня шел. Жара на улице, чего уж… жалко, что «Гранта» без кондиционера. Самая дешевая комплектация. Осенью хорошо, зимой хорошо, весной хорошо, а летом – пекло. Как и во всех «Жигулях» старых моделей – «шестерках», «семерках», «пятерках».

Когда-то люди ездили на них и радовались. А теперь вон что, избаловались! Нет, это не я так сказал – это папа подсмеивался, когда я выдвигал претензии насчет отсутствия кандюка. Мол, нынешнее поколение только смузи ест да зауженные короткие штаны таскает. Кандюк им подавай, метросексуалам! Злил меня, в общем. Да пусть бы злил… как можно дольше. Пусть! Эх, папа, папа…

Меня охватила такая тоска, такое чувство безнадеги, никудышности существования, что я чуть не завыл. Ну как так?! Ну почему?! Зачем?! Все было так хорошо! Так замечательно!

Выехал осторожно, жужжа движком и неуклюже работая сцеплением. Ездить я умел, но не так, чтобы очень. Честно сказать, отвратительно я ездил. Лох педальный, а не водила! Учил меня папа, да, но опыта-то нет!

Теперь придется этот самый опыт набрать. Ох как придется!

До джипа доехал за пару минут и вполне даже лихо – сам себе понравился. Шумахер, да и только! Впрочем, Шумахер плохо кончил, и потому о нем лучше не вспоминать. Дурная примета!

Пришлось поискать, где у джипа ручка открывания капота. Нашел. Открыл. Сразу увидел аккумулятор – здоровенный такой, не как у «Жигулей». Ну это и понятно – прокрутить такую махину, двигатель «Кукурузера», – аккум надо серьезный. Завел «Гранту», поставив ее на ручник, достал провода для «прикуривания», одной стороной нацепил на аккумулятор «Крузера», другую с замиранием в сердце подключил к клеммам «Гранты». Выдержит? Тут главное, чтобы генератор не полетел. Отец говорил, что прикуривать кому-то можно только в самом экстренном случае – для спасения жизни, например. Иначе радостный автолюбитель, посадивший аккум своей дурацкой тачки, уедет в неизвестном направлении, а ты останешься со сгоревшим генератором. И получишь дорогостоящий ремонт – ни за что ни про что. Благие намерения, как известно, выстилают путь в ад – папа так всегда говорил. Прежде чем что-то сделать, нужно думать.

Но тут мне деваться уже некуда. Если не получится и спалю генератор, буду выдирать аккум из красной «букашки», в которой лежит что-то подозрительно пахучее и очень похожее на мертвеца. Только аккум там, скорее всего, одно название – не потянет он заводку «Крузера». Ну, мне так представляется… А может, снять аккум с «Гранты»? И вставить его в «Кукурузер»? Тоже стремно. Ну, заведешь, а потом? Снимать грантовский и ставить родной, крузеровский? Вся электроника (если она есть в этом раритете) может полететь к чертовой матери. Даже лампочки – и те сгорят.

Да, да – теоретически я подкован. Папа на что? Делал из меня мужчину. А мужчина должен разбираться в машинах! И я разбираюсь. Насколько могу.

Ладно, рискну! Повернул ключ «Крузера»… ага! Загорелись лампочки! Ох, опасно сейчас заводить! Часть энергии сосет пустой аккум, часть пойдет на стартер. Значит, что? Значит, нагрузка на генератор увеличится в разы! Вот сейчас он и получит пендаля, ой-ой!

Снял «Крузер» со скорости, нажав на педаль тормоза. Потом отпустил тормоз. Нет, не катится. Тут уклон и как раз к столбу. Итак… абра-кадабра… поехали!

Двигатель медленно провернул коленвал, несчастная «Гранта» сбоила, потом взвыла, увеличивая обороты, и… дык-дык-дык-дык… есть! Ура-а! Ура! Завелся! Дизель ведь, а ему много не надо! Чуть крутнул, и всё!

Глянул на показания топливного счетчика – полный бак. Мужик перед смертью залился-таки. Под крышку. И похоже, что сзади лежат еще канистры с солярой. Это отлично! Сливать с чужих машин я могу: все инструменты взял, начиная со стальной отвертки-пробойника, воронки и заканчивая оцинкованным тазом и топливным шлангом. Я сразу подумал о том, что заправляться придется мародерством – сливать горючее из чужих машин. По трассам их должно быть более чем достаточно. Одни только фуры чего стоят – в каждой горючего сотни литров. Ну, или не в каждой, но во многих.

Хорошо! Готово. Вылезаю, подхожу к «Гранте», глушу ее. И тут же чувствую запах паленого. Точно, спалил на хрен. Прав был папа: нельзя «прикуривать».

Впрочем, а когда он был неправ? Честно сказать, что-то такого не припомню. Теперь перегрузить вещи из «Гранты». Это типа «мы строили, строили и наконец построили! Саид, поджигай!». Грузил, грузил… теперь снова грузить. Да ладно, не рассыплюсь. Теперь не до лени.

Минут двадцать, может, дольше перегружал, отдыхал. Все это время «Крузак» тарахтел. Аккум надо ведь подзарядить? Так-то я с собой и зарядное устройство взял, но его нужно еще куда-то подключать, суетиться. В общем, пусть себе тарахтит. Много горючки не съест.

Закончив, сел за руль, прикрыл дверь и с удовольствием убедился в том, что кандюк аппарата исправно работает. Холодные струи воздуха били в лицо, в грудь, и через минуту наслаждения я забеспокоился – эдак можно и воспаление легких получить. Сдохнешь вот так, ни за что ни про что – просто от того, что простудился под кондиционером. А оно мне надо?

Убрал струи воздуха в сторону, облегчено вздохнул – жить можно!

Включил заднюю скорость, потихоньку отпустил сцепление… машина легко, будто ничего не весила, подалась назад, потянув за собой и красную «букашку». Та дернулась, бампер машинки со скрежетом оторвался и грохнулся на асфальт. Есть, расцепились! Все-таки хорошо, когда у тебя стальные бампера! Тебе хорошо, не красным машинкам, которые ты насадишь на этот самый бампер.

Включил первую передачу, джип рыкнул и двинулся вперед. Вот же черт! И страшно, и ощущение беспредельной безопасности! Сидишь высоко, смотришь на всех как с башни, а мощность движка такова, что сейчас нажми педаль, и машина, сметая всех и вся, рванется вперед, как танк! Класс! О-бал-деть! Если бы не такая ситуация, в какой оказался, наслаждался бы, да и только. Эх, отец бы видел…

Подъехав к дому, заглушил двигатель, вышел и начал таскать вещи из машины в подъезд. Домофон еще работал, пришлось прикладывать электронный ключ. Открыл, подложил кирпич, который держали здесь именно для этих целей (ну не звонить же каждый раз, когда переносишь что-то из машины?), и начал выгружать вещи из багажника, складывая их внизу, в подъезде. Могут, конечно, украсть, но… вероятность слишком мала. Народу-то нет, кому воровать? Да и все не украдут. А ему нужно место для мамы и папы.

Выгрузил – получилась целая гора барахла – и пошел наверх, в квартиру. Поднимался пешком, захватив с собой два легких синтетических спальных мешка. Я еще не знал, как буду тащить тела, но прекрасно осознавал, что это будет очень, очень трудно. И хотя абсолютно точно знал, что лифтом пользоваться опасно, так же хорошо понимал – придется. С седьмого этажа я их не снесу. Маму еще могу – она худенькая, легкая, а вот папу… в нем килограммов сто двадцать. А может, и больше.

Когда шел по лестнице, показалось, что за дверями одной из квартир кто-то есть. Вроде как голоса и даже рыдания. Но ломиться в те двери не стал. Мне сейчас не до них. Если только просить помочь вынести моих? Но тогда с большой вероятностью мне придется хоронить и их родню. А на это у меня не было сил. У меня и на моих-то сил может не хватить… хоть слегка отошел после трехдневной комы, но ручки-ножки еще дрожали. Особенно после трех загрузок-разгрузок. Нет, ребята, пока – сами. Простите, но я помочь вам сейчас не могу. Позже. Все позже. Потом.

Когда пришел в спальню, сердце снова сжалось и похолодело. Тяжко! Ну как же тяжко! Хоть бы уж сил хватило…

Первым делом стал укладывать маму. Хотел положить ее в спальный мешок как положено, ногами в правильном положении, но… передумал. Распустил замок-молнию насколько мог, положил спальник на пол рядом с кроватью и осторожно, задыхаясь от усилий и от сжимающего сердце горя, спустил тело на мешок. Тело было мягким, и, если бы не землистый цвет лица, можно было бы подумать, что мама спит.

Я стоял над ней на коленях минут пять, вглядываясь, запоминая черты лица – я видел его в последний раз. Навсегда! Навсегда…

Потом с трудом, мучительно, стараясь не сделать больно и понимая, как это глупо – разве можно мертвому сделать больно?! – вложил мамино тело в мешок и затянул молнию. Сделано. Теперь самое сложное: папа. С ним так, как с мамой, не получится. Придется надевать мешок сверху, прямо на постели, а потом уже перекатывать на пол, где и завершить процедуру. Так и сделал. Папа был ужасно, просто страшно тяжелым, и я не представлял, как его потащу. Но знал, что это сделаю. Чего бы это мне ни стоило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/evgeniy-schepetnov/den-neposlushaniya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить